68 9/81

68 81

КОВСКИЙ КОМИТЕТ Р.К.П.(Б)
РНСКОЕ БЮРО КОМИССИИ
ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ
ЕВОЛЮЦИИ (ИСТПАРТ)

ЦИНАМО"

лет революционной
деятельности).

355/2

СКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
9 2 3

-и экз. осн. ф

68 9/8) 0 59563/кр
329.14 (47.31)

Московский Комитет Р. К. П.

ГУБЕРНСКОЕ БЮРО КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р. К. П. (ИСТПАРТ).

КП 83/940

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДИНАМО

25 лет революционной борьбы

БИБЛИОТЕКА Инстит. Красн. Проф. И. Б. 362.63/80
355/2

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
1923

3С
5303
т

Отпечатано в 31-й типографии МСНХ, аренд.
ГУМ'ом, Никольская 1/3.
В колич. 5000 экземп.
Главлит № 4050

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

ОТ ГУББЮРО ИСТПАРТА.

Московское Губбюро Истпарта поставило себе целью дать ряд брошюр, посвященных истории революционного движения и партийной организации на отдельных Московских (и губернии) фабриках и заводах, сыгравших особо видную роль в московском рабочем движении. Многие фабрики и заводы Москвы и губернии насчитывают десятки лет существования партийной организации, упорной и почти никогда не прекращавшейся борьбы рабочих с своими непосредственными эксплоататорами и с гнетущим самодержавным политическим строем. Это те фабрики и заводы, которые в 90-х годах давали главный контингент для с.-д. кружков, в 1905 г. играли руководящую роль в первой российской революции, в октябре 1917 г. в первых рядах с оружием в руках низвергли власть буржуазии и установили власть Советов. Даже в эпоху самой мрачной столыпинской реакции, нависшей над страной после подавления первой революции, не угасли в них революционные стремления, и тлевшие в глубине рабочих масс революционные искры то и дело разгорались в пламя, заставлявшее трепетать обнаглевшие самодержавие и буржуазию.

Будущий историк, который возьмется писать историю нашей партии, не сможет пройти мимо рабочего движения на этих заводах,—в противном случае история вышла бы односторонней, чахлой, лишенной ярких красок. Задача намеченного к изданию ряда брошюр об отдельных заводах, помимо ознакомления современного поколения с героической борьбой московского пролетариата, подготовить материал для будущего историка партии.

Настоящая брошюра является первым шагом к выполнению этой задачи.

Губбюро Истпарта.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

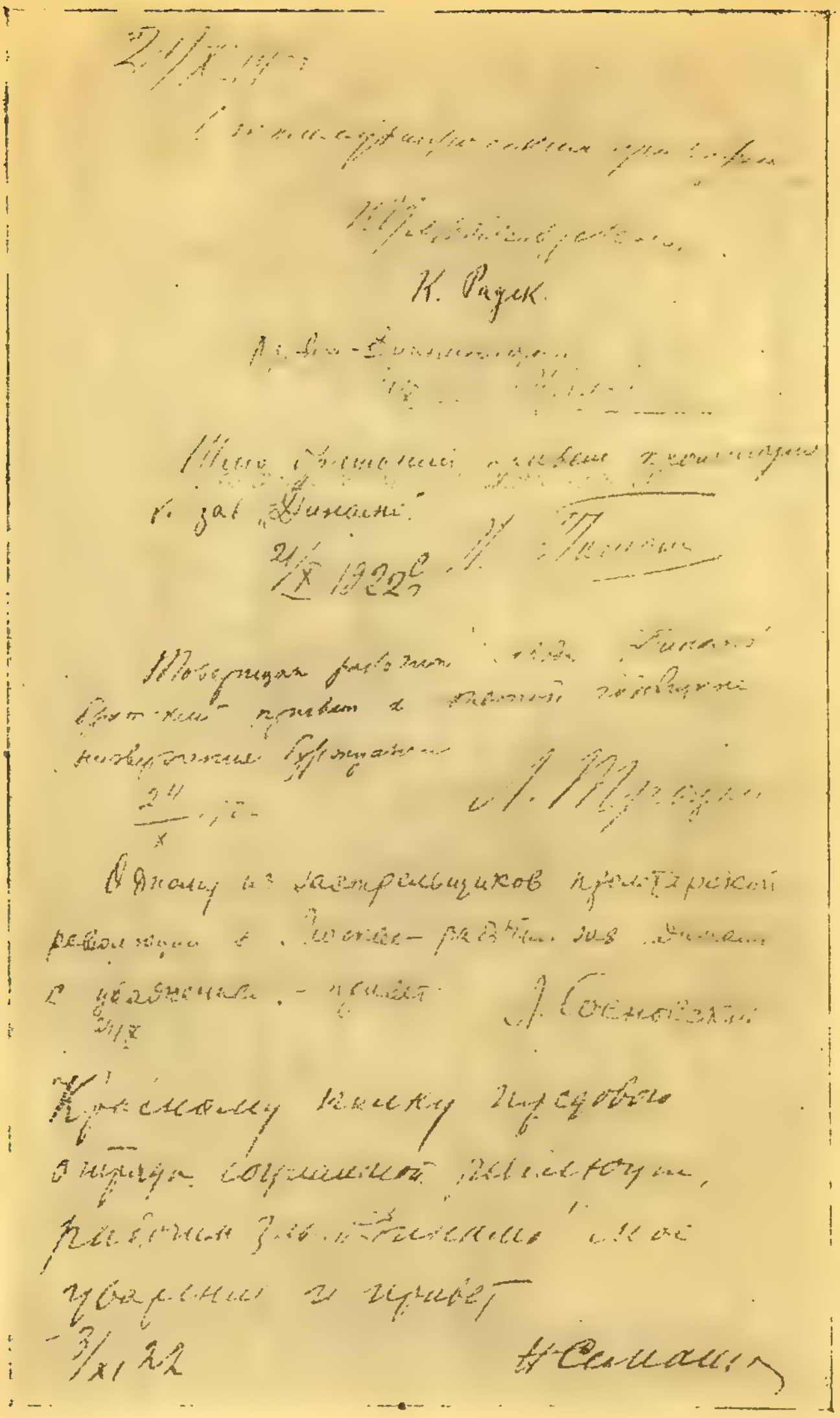
Настоящая брошюра составлена по воспоминаниям отдельных товарищей: П. Алешина, Н. Антипова, Барканова Д., Борисова И., М. Васильева, Гальперштейна, Жукова, Калнен, Корзинова, Т. Курского, Макарова С., Максимова, Миронова М., Офман, Панюнина, Прянишникова, Савельева, Соколова, Студитова, Сукманова, Тарасова, Толкачева, Уханова.

I-я часть брошюры (1898—1912) обрабатывалась и дана в форме изложения, причем основные факты сохранены целиком.

II-я часть составлена из отдельных воспоминаний товарищей.

Вся работа по составлению брошюры проведена т.т. К. Ухановым и Н. Борисовым.

Любимому нашему учителю и вождю, Владимиру Ильичу ЛЕНИНУ, рабочие завода „Динамо" посвящают страницы своей жизни и борьбы.



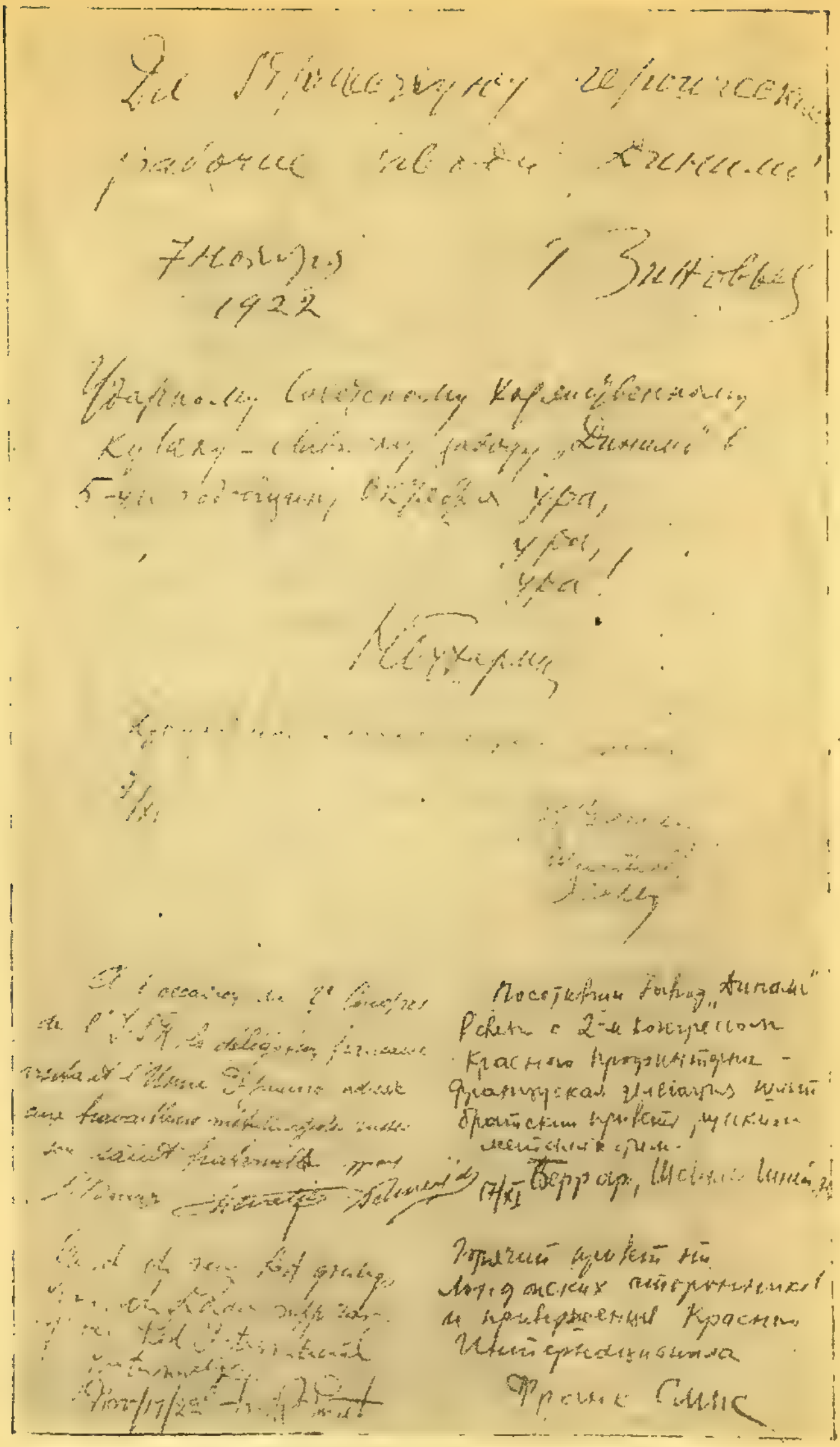
Из „Красной книги" завода,

ТОВАРИЩАМ С „ДИНАМО“.

Вот ровно двадцать пять железных лет
Гремит грозово ритм твоих „динамо“—
Так долго длилась, долго длилась драма
В глухой ночи, ночи смертей и бед.
Как каторжники, тайно, без имен
Светили из подполья в сумрак вражий,
Обставленные вокруг зловещей стражей,
Вы спящим прерывали мертвый сон.
Вы угли раскаленные несли
За пазухой, за огнебойной чащей
И рассыпали их все чаще, чаще,
И тьму прожгли.
Углем из сердца-пращи
И России, коралловый остров,
Средь бушующих гребней пламени,
Обрастающий телом остов.
Взор чаруя вихрем Красного Знамени, стоит,
Как величественный монолит.
Мы победы достойны,
Нам—побеждать,
Лишь стояла бы стройно
В рядах наша рать!
Эй, „Динамо“, гудки,
Великаны колеса,
Мы, большевики,
Победим кровососа!
Привет вам лучистый,
Сегодня привет,
Шлют коммунисты,
Шлет Совет!

Иван Филиппченко.

(„Правда“ 14 мая 1922 г. № 106).



Из „Красной книги“ завода.

До 1903 года

ВСТУПЛЕНИЕ.

I.

В 90-х годах прошлого столетия Симоновка представляла из себя небольшую загородную слободку в 20—25 одноэтажных, деревенского типа, домов.

Расположенная на левом берегу Москва-реки, удаленная от города, вся площадь Симоновки с ее немногими домами и старинным монастырем была занята огородами, частично садами и барским имением.

Проживали в Симоновке, главным образом, подмосковные огородники—молочники. С течением времени физиономия Симоновки изменялась. Внизу, под монастырем, провели железную дорогу и построили склады, вверху—инженер Бари выстроил котельный завод.

Вслед затем, невдалеке, открылись склады Восточного О-ва.

В 1900 году Симоновка превратилась в почти законченный рабочий поселок. Здесь, помимо упомянутых построек, возвышался завод Бельгийского Акционерного О-ва (впоследствии „Динамо“) и трубопрокатный завод Гана.

С заводами, особенно, новым—„Динамо“—слободка словно преобразилась. Появились иностранные монтеры и механики, понаехали лучшие металлисты—рабочие; и на-ряду с бородачами из Тверской и Рязанской губерний в мазанных блузах, выходящих с завода Бари, и самоуверенных польских рабочих от Гана, на улицах слободы можно было встретить французских, бельгийских, немецких механиков и рабочих в белых воротничках и соломенных шляпах.

Но тяжела была жизнь рабочих Симоновского поселка: изнурительный, каторжный, как говорили рабочие, труд при невысокой оплате.

Изо дня в день оглушительный баревский гудок и электрический звонок Бельгийского Акционерного о-ва созывали рабочих в мастерские.

В праздники картина менялась. В слободке шли пьянство и драки. Не проходило ни одного праздника, чтобы не шли стенка на стенку или не дрались отдельными группами.

Никаких школ, клубов, театров и других культурных мест в Симоновке не было.

Среди такого духовного мрака и физического закабаления, отдельные передовые рабочие, в ничтожном числе 2—5 человек собирались время-от времени для чтения революционных брошюр.

С этими рабочими связался социал-демократ (фамилия неизвестна), который вел с ними беседы и об'яснял социал-демократическую программу. Под его руководством рабочие соорганизовали нечто вроде кружка и от обоюдного чтения перешли к кустарной работе среди рабочих: беседовали, давали читать брошюрки.

Иногда удавались и массовки, устраиваемые в Тюфелевой роще, куда приходили рабочие других заводов (Бромлей, Гоппер). Выступали ораторы по вопросам: „о значении 1-го мая", „о сокращении рабочего дня", „о повышении заработной платы".

Уже тогда полиция почувствовала в Симоновке присутствие „неблагонадежного элемента", усилила наблюдение и прибегала к частичным репрессиям.

В 1901 году произошло событие, сыгравшее впоследствии большую просветительную и политическую роль в Симоновке.

На средства инженера Бари, по инициативе либеральной интеллигенции, при его заводе открылись вечерние курсы для рабочих. Управление школой было поручено Е. А. Кораблевой,—народнице по убеждениям. Первоначально курсы помещались в маленькой квартире частного домохозяина, а через год перешли в отстроившуюся к тому времени столовую завода Бари (ныне советский театр).

Учебная программа курсов и умелое отношение к делу Кораблевой способствовало притоку рабочих на курсы, преимущественно молодежи. В начале организации курсов число учеников насчитывалось не более 30, в 1905 году оно доходило до 200 человек.

Кораблева, кроме того, организовала из числа некоторых учеников маленький кружок, который собирался у ней на квартире по воскресеньям. Изучали литературу, но время от времени касались и политических вопросов. Рабочие, таким образом, впервые знако-

мились с Новиковым, Радищевым, с декабристами, с славянофилами, с западниками и т. д.

— Наш умственный кругозор стал гораздо шире—пишет в своих воспоминаниях тов. Т. Курский—мы узнали, что были люди, которые стремились устроить жизнь общества лучше, чем она есть, и погибли за это дело. Это пробудило в нас любознательность, отсюда—стремление побольше узнать.

Курсы постепенно расширялись, организовались новые группы, увеличилось количество предметов и росло вместе с тем число преподавателей, среди которых находились студенты и курсистки

Русскую историю, напр., читали по воскресеньям. На уроки допускались только те, кто собирался на квартире Кораблевой, т. к. уроки велись до некоторой степени в крамольном духе.

В том же году на заводе „Динамо" разразилась первая забастовка с основным требованием 9 часового рабочего дня. Забастовка не проводилась организованной группой, однако, протекала дружно. Администрация дала решительный отпор, и забастовка не дала желанных результатов, но она явилась первым шагом коллективной борьбы.

(по воспоминаниям Курского, Васильева Панюнина и Миронова).

II.

На месте, где ныне находится завод „Динамо", ранее был хорошо оборудованный помещичий дом с красивым парком и аллеями, принадлежавший генералу Селивановскому.

Затем это имение перешло к Митьковой, сестре жены генерала Селивановского. Это имение было связано с именем Карамзина („Бедная Лиза"): там, где сейчас Двигательная мастерская, был небольшой овражек, в котором находился известковый грот. Этот грот был назван гротом Бедной Лизы. Против существующей Контрольной № 1 по направлению к Москва реке на расстоянии 10 шагов от нее стояла маленькая избушка хорошо оштукатуренная, но печи в ней не было и никто в ней не жил. Называлась эта избушка беседкой Бедной Лизы.

Кроме того, здесь имелась школа типа городских училищ при деревне Симоново, состоящей из 14 домов, и деревня Кожухово.

Бывших учеников этой школы можно и сейчас найти, как в Симонове, так и в кожухове.

Затем имение от Митьковой перешло к Бельгийскому Акционерному Электрическому О-ву, которое начало строить завод в 1896 году.

Первоначально на этом заводе изготовлялись с 1896 года при администрации, состоящей из французов, самые разнообразные вещи, как то: электрические краны, пассажирские и товарные под'емники, насосы, лебедки для шахт.

Бельгийская компания продержала завод до 1906 года, затем продала завод Британскому и Американскому Электрическому О-ву „Вестингауз".

При „Вестингаузе" расширения не произошло, хотя производство увеличилось, так как стали работать трамвайные оборудования.

„Вестингауз" в 1913 году продал завод смешанному акционерному О-ву „Динамо".

С переходом завода к „Динамо" производство стало сильно увеличиваться и начало переходить на массовое производство, хотя исключительно электрическое. Был увеличен большой механический корпус, выстроена модельная мастерская, аппаратный завод, корпус малых машин и во время войны 1914 года—снарядный завод. Количество работающих было доведено до 3500 человек. В таком виде его и застала революция.

После февральской революции заводоуправление всячески старалось завод закрыть. Рабочие организации в этом препятствовали. Все же в 1917 году заводоуправление добилось закрытия снарядного завода и сокращения рабочих и служащих. В дальнейшем не прекращались попытки к закрытию до тех пор, пока рабочие организации не довели дело до национализации завода, которая последовала в июле или августе 1918 года.

После национализации заводоуправление было выборное, куда были введены и рабочие, и называлось Коллегией.

Впоследствии Коллегия была заменена единоличным управлением, и был поставлен во главе завода рабочий. Как при коллегиальном управлении, так и при единоличном представители рабочих старались сохранить завод от развала и сохранить высоко квалифицированную рабочую силу.

В. Жуков.

1903—1905

Фасад завода.

В 1902—1903 г.г. на заводе „Динамо" работал Михаил Николаев [1]) и записался на курсы. Там он наметил нескольких развитых товарищей и сорганизовал социал-демократический кружок.

Дав кружку канву работы, ознакомив с программой и связав его с партийными товарищами, М. Николаев уволился с завода и уехал.

С.-д. кружок состоял из 7—10 человек. После от'езда Николаева во главе кружка стал Г. Андреев, в комнате которого и происходили собрания кружка, нередко в присутствии представителей центра.

Собирались тайком и редко—и все время ожидали провала, вследствие неудобного расположения комнаты Андреева в хозяйской квартире.

Начались поиски более законспирированной квартиры. Таковая была снята, зятем Андреева, бывшим на хорошем счету у начальства, а туда вселились Андреев и еще один член кружка (Гришин). Платили за квартиру сообща все члены кружка, кто сколько мог.

Своя квартира дала возможность собираться чаще и увеличивать число членов с таким расчетом, чтобы в него входили рабочие всех трех заводов (Динамо, Бари и Ган).

На первых порах кружок занимался чтением брошюр и листовок Р.С.Д.Р.П., „Искры", знакомился с историей партии и ее программой. Занятия велись под руководством пропагандиста из центра.

Особое внимание кружок уделял сравнению с.-д. программы с народнической. И тому была причина: на воскресниках Кораблевой стали появляться интеллигенты-эсеры, приглашаемые знакомым Кораблевой „Леонардом".

---

1) Слесарь Мытищенского завода, прислан Окружной организацией РСДРП. В настоящее время председатель Московского Уездного Совета.

Эсеры пытались использовать воскресники, члены кружка вступали с ними в длинные прения, переходившие в ожесточенные дискуссии, но обычно терпели как-бы поражение, т. к., пишет т. Курский, „на словах они нас разбивали".

Практически же эсерам удалось склонить на свою сторону двух рабочих учеников школы. Большинство же рабочих всецело отдавали симпатии эсдекам.

Дискуссии с эсерами приносили большую пользу для кружка в смысле укрепления теоретической его почвы.

После таких воскресников, в кружке возникали самостоятельные дискуссии, при чем основные вопросы марксизма в сопоставлении с учением народников становились отправной базой для членов кружка в их дальнейшей работе.

Во 2-м и в последующие годы, 3-м и начале 4-го, рабочие „Динамо" проводили забастовки. Выставлялись экономические требования, из которых главным стояло введение 9 часового рабочего дня. Кружок не оформливал эти движения, грандиозность которых была не под силу его членам, и все стачки кончались поражением рабочих.

Но пробуждение рабочих и их активные действия, правда, только на экономической почве, без примеси политических требований, способствовали оживлению социал-демократической пропаганды среди рабочих, вносили уверенность в среду кружка.

* * *

Под влиянием движения кружок численно возростал, хотя прием в него соблюдался с известной осторожностью. Работа развертывалась и постепенно входила в массы, расширяясь среди них. Каждый член кружка обязан был пропагандировать среди рабочих, создавая вокруг себя группы (такие группы назывались „сознательными"). „Сознательным" давали читать листовки, брошюры и шаг за шагом подготовляли их к политической жизни.

„Сознательные" вербовались из наиболее развитых рабочих и они знали, что даже в таких мелочах, как прочесть брошюрку— подвергали себя политической опасности.

Кружок тесно связался с партийным центром и через М. Булычева—представителя кружка—в Симоновку стали проникать прокламации.

Один факт появления прокламаций производил огромное впечатление. Об этом знали и много говорили.

Рабочие видели, что есть партия, которая знает об их нуждах, раз'ясняет многие явления и защищает их интересы.

Прокламации были заграничного происхождения из очень тонкой бумаги с неизменной подписью РСДРП.

Массовое распространение прокламаций произошло в 1904 г. по случаю бакинской забастовки. Эту листовку члены кружка и сознательные расклеивали ночью на всех заборах, на видных для рабочих местах.

Днем разбрасывали на станках, верстаках, в уборной и т. д.

Прокламация всколыхнула рабочих, они узнали, что рабочие других городов борются, живут также скверно и что интересы далеких бакинских рабочих и их, симоновских, одинаковы.

Встрепенулась и полиция, но ограничилась тем, что сорвала листовки.

* * *

Брожение на заводе и в Симоновке возростало, революционная волна вздымалась. Кружок почти отстал от квартирных собраний и все чаще и чаще устраивал массовки, по обыкновению в Тюфелевой роще.

Тов. Офман пишет: Назначались массовки в Тюфелевой роще часов с 7-ми вечера и нам приходилось прямо с завода по окончании работ итти в рощу выбирать там подходящее место. Приходилось пробираться по колена в снегу. Тогда мы срезали от елок ветки и подстилали на то место, где должно быть собрание.

Распределяли места, дороги, где должны проходить товарищи, которые приглашены на собрание. Ставили на этих дорогах более верных товарищей, которые и показывали путь к месту собрания.

В одну из таких массовок, особенно многолюдную, „товарищ из Москвы" предложил установить более регулярные занятия. По вечерам, в праздники, собирались в квартирах, посменно у каждого участника. Читали „Валентин", „Марья Ивановна" и Станислав Вольский („Николай Николаевич").

Ходили на фабрику Тиль слушать лекции И. И. Скворцова, на банкет за Семеновской заставой, где собирались рабочие других районов.

Организационная сторона кружка окрепла. Симоновка являлась частью Замоскворецкого района, организаторами которой были „Алексей Иванович" [1]) и позднее „Тимофей", [2]) особенно много времени отдававший району.

* * *

В то время на Дальнем Востоке шла война с Японией. Газеты мало писали о поражениях русской армии.

О войне Симоновка питалась слухами, очень часто упоминалась бездарность и продажность чиновников царского правительства. По части информации кружок немногим лучше удовлетворялся, чем рабочие массы, „и только изредка—пишет тов. М. Васильев—падающая „Искра" [3]) молнией освещала многое непонятное".

Известная „зубатовщина" почти не коснулась завода и Симоновки, где бродила революционная мысль. Сущность „зубатовщины" рабочие раскусили, а кружок делал все возможное, чтобы провалить царскую „идею".

Старичье, правда, собирали по заводам деньги на венок царю, [4] избрали делегацию, куда-то его относили, за что и получили жетоны-побрякушки. Молодежь ходила на собрания зубатовцев с одной только целью—их срывать.

Собрания зубатовцев происходили обычно в трактирах по разрешению полиции, вход—по особым билетам, проводили собрания охранники. Руководителем зубатовской организации был Красивский—Бусулье. Собрание составляли торговцы, барышники, мелкие хозяйчики, пожилые люди.

По этому поводу интересны воспоминания т. Офмана:

— „Одно из таких собраний было на Зацепском рынке, в трактире, мы пришли в количестве около 60 человек и с нами оратор, присланный из центра. Когда мы пришли, у них уже собрание было открыто. Мы в это время постарались пробраться на середину, к их оратору, который что-то говорил, не могу припомнить его слова, да и не затем пришли, чтоб слушать их речи.

---

[1]) Войткевич.

[2]) Савков.

[3]) Газета Р.С.-Д.Р.П. издав. в Женеве.

[4]) Речь идет о венке, который зубатовцы 19 февраля 1902 г. возложили у памятника Александра II.

По окончании его речи слово взял наш товарищ. Председатель собрания спросил его: „от какого предприятия"? Он назвался „кондитером". Его допустили говорить. Едва сказал товарищ несколько слов, как зубатовцы заволновались, стали его стаскивать со стула, мы стали защищать, и дело дошло до драки. Дрались, чем попало. Мы, спускаясь по лестнице, у дверей, дружно запели: „Отречемся от старого мира".

„Другой раз было на Калужской площади, тоже в трактире, куда мы пришли человек полтораста. Собрание еще не было открыто, но мы заметили, что соседний зал закрыт и к двери придвинут большой стол, за которым сидели бородатые зубатовцы. Мы подслушали и оказалось, что там идет собрание. Тогда мы зашумели и стали требовать открыть собрание. Видя, что нас не уговоришь, Красивский согласился открыть собрание. Но когда наш „кондитер" взял слово и стал говорить, мы окружили его стулья тесным кольцом. Зубатовцы с первых же его слов устремились к нему, чтоб стащить его со стула. Мы дали отпор. Тогда Красивский выхватил финский нож и стал им размахивать, а мы похватали, что попало, кто стулья, кто чайники, бутылки и началось побоище. Их оказалось больше. Они вытеснили нас на лестницу и стали забрасывать стульями и столами, а сам трактирщик даже поливал кипятком на наши головы. Но благодаря нашему упорству они разбежались через задние ходы. Полиция оказалась бессильной. Были вытребованы драгуны, к бою уже опоздавшие. Трактирная обстановка вся оказалась на улице, стекла повыбиты. Из нас пострадал только один товарищ, у которого была пробита голова. Мы собрались вместе и с революционными песнями двинулись в Симоновку. А драгуны провожали нас до самого Симоновского моста, но никого не тронули".

Наступал 1905 год.

(по воспоминаниям Курского, Васильева, Миронова и Офмана).

Группа работников 1902—1906 г.г.

Сидят в 1-м ряду (слева на право) Офман, Т. Курский.
Сидят во 2-м ряду (слева на право) Панюшин, П. Аленин, Силин, Васильев, Бархатов, Макаров, Сукманов.
Стоят в 3-м ряду (слева на право) Балашев, Савельев, Мартынов, Н. Курский, Васильев.

1905

I.

Как молния облетела Симоновку весть о расстреле в Петербурге рабочих, шедших к царю.

Рабочие возбужденно обсуждали различные версии о кровавом происшествии.

11 Января симоновские заводы забастовали: „Динамо“, за ним Бари и Ган.

С утра у проходной калитки завода рабочие останавливали друг друга, не входя в завод, и, таким образом, у ворот столпилась масса народа.

Прозвонил звонок. Толпа не трогалась с места.

Сторож засмеялся и, отворяя ворота, сказал: — „в калитку-то не пролезете, проходи в ворота.“ —

— Затворяй, затворяй — загудела толпа—сегодня не пойдем.

Администрация всполошилась, вышла к рабочим, чтоб выяснить „в чем дело“, но рабочие всей массой собрались на углу завода. К этому часу вышли и баревцы. Настроение рабочих повышалось. Громче и громче раздавались голоса — идем снимать других.

Разбрелись кучками в разные стороны. Часть — к Гужону, другие к Перенуду и Курским мастерским.

На валу у Гужона полиция встретила рабочих нагайками, но некоторым удалось просочиться через полицейский кордон. Стали агитировать среди гужоновцев в одиночку, кучками, извещая, что „Динамо“ и „Бари“ забастовали.

Неизвестно, насколько агитация повлияла на Гужон, но так или иначе, после обеда, рабочие забастовали.

У Перунда симоновцев конные и пешие жандармы разогнали.

— „Кому из нас голову шашкой проломили, — вспоминает т. Макаров, — у кого потом рука висела на полотенце, кое кого избили нагайками“.

Тем не менее у Перенуда работу сорвали.

Третья группа рабочих агитировала за стачку среди рабочих Курских мастерских. В толпе шныряли какие-то подозрительные люди и подрядчики. Эти последние донесли в участок, и спустя некоторое время появился околодочный с отрядом городовых.

Рабочие бросились врассыпную, но некоторые были задержаны.

— „По дороге нам задали хорошую баню, — вспоминает т. Панюнин. — В участке пристав снял с нас допрос.

— Кто вы такие?

— Мы,—говорим,—слушали, что там говорили.

— Вы агитировали за стачку, хотели остановить мастерские,— закричал пристав.

— Что вы, помилуйте. Ничего подобного.

Пристав нам поверил и нас отпустили, тем более, что и подрядчики склонялись к тому, что мы — проходящая публика, а не рабочие-забастовщики.

В результате агитации часть Курских мастерских остановилась.

* * *

Вечером первого дня забастовки в д. 10, кв. 8, по Судаковскому пер. собрался кружок для обсуждения положения. Выработали ряд политических и экономических требований и решили пред'явить их администрации.

Всю ночь писали листовки с лозунгами: „долой самодержавие", „да здравствует 8-ми часовой рабочий день", „да здравствует свобода слова, печати" и т. д.

На утро рабочие приняли выработанные требования, выставив их перед администрацией.

Пошли снимать Цинделя. Застали обед. Собрали по кучкам: „товарищи, кончайте!"

Чужие в цинделевской массе были незаметны, да и у цинделевских рабочих настроение повышалось. После обеда на работу стала маленькая часть рабочих, но и тех они сами сорвали.

Забастовка симоновских заводов продолжалась 5 дней. Администрация не шла ни на какие уступки. Средства у рабочих иссякли. Среди отсталых рабочих и семейных назревало недовольство.

Организованные рабочими пособия еле-еле поддерживали существование и, конечно, не могли быть противопоставлены, как оружие, нужде.

Вечерние курсы при заводе „Бари“ были закрыты.

На 6-й день рабочие вышли на работу.

* * *

Через день или два „Динамо“ снова остановился, так как администрация отказалась уплатить за забастовочные дни. Вдобавок к тому был факт, когда администрация выгнала с завода нескольких рабочих, проникнувших в завод во время забастовки с целью работать. Кроме того, рабочие требовали: 8-ми часового рабочего дня, увеличения заработной платы, организации на заводе вечерних курсов, организации медицинской помощи для рабочих и их семейств, устройства библиотеки и читальни, перевода на заводской инструмент модельщиков и столяров, устройства кипятильников, умывальников, шкафов для одежды. Словом, выставили 22 требования. В их числе было, между прочим, требование организации в Симоновке родильного приюта, на что получили ответ: „у нас мужики не рожают, а когда будут — устроим приют“. Но все-таки администрация говорила: „хорошо, принимайтесь за работу, а ответ мы вам дадим“. Через 3-4 дня часть требований удовлетворили (напр. медицинская помощь). Об остальных — ни слова.

Забастовали опять. Бастуют день, другой. Тогда начинают удовлетворять мелкие требования (кипятильники, умывальники, заводской инструмент и т. п.). Требование уплаты за первые дни забастовки оставлено было без внимания. Началась итальянская забастовка (работали через 2 дня на третий). Во время забастовки на дворе завода почти постоянно находились казаки и жандармы. Казаки шатались по мастерским и по всему заводу.

Тов. Миронов вспоминает такой эпизод:

— Один из казаков свертывает себе цигарку. Мимо проходящий офицер вдруг спрашивает его:

Откуда у тебя прокламация?

— А бис их знает, у нас у каждого их по целой пачке в карманах.

Казаки ходили по корпусам, разговаривали с рабочими, а в это время члены кружка давали им прокламации (Дербер и Офман). Офицер собрал несколько прокламаций, показал их Федорову, помощнику пристава, со словами:

— Вы что хотите моих казаков развратить?

— Чем?!

— Да у каждого из них по целой пачке таких прокламаций.

— Кто-же их раздавал?

— Неизвестно.

Администрация, тем временем, упорно не соглашалась платить рабочим за забастовочные дни. Рабочие, имея зацепки, что администрация выгоняла рабочих с завода, когда они хотели приступить к работе, подали заявление в суд. Но протокол был составлен почему-то только на двоих рабочих.

В ходе забастовки рабочие потребовали губернатора. В завод приехал Дубасов со своей охраной и прошел прямо в контору. Рабочие, узнав что Дубасов прошел в контору, а не в мастерские, уговорились устроить ему „кошачий концерт". Двое рабочих пошли в контору к Дубасову и сказали: „мы просим вас в завод". Дубасов явился в мастерскую. Выбранные товарищи (руководители забастовки Дербер и Шишков) стали говорить с ним по поводу требования рабочих. Губернатор настойчиво и резко требовал прекращения забастовки. Но Дербер не менее настойчиво заявлял: — забастовка не прекратится до тех пор, пока нам не уплатят за первые дни забастовки.

Переговоры не приводили ни к чему. Начался „концерт". Рабочие свистели, мяукали. Взбешенный губернатор уехал ни с чем. В ту же ночь Дербер был арестован. Руководителем забастовки остался Шишков. Рабочие, на утро, придя в завод, узнали об аресте Дербера. Решили забастовки не кончать. Администрация запросила: — почему не приступаете к работе? —

Рабочие отвечали: — „не будем работать, пока не выпустите Дербера".

Администрация обещала справиться и через некоторое время — сообщила: к вечеру Дербер будет на заводе.

Рабочие приступили к работе. На утро, однако, Дербера нет. Забастовали снова. Администрация тянула переговоры, заявляя, что Дербер „будет к обеду", „будет к вечеру". Наконец, в 4 часа дня Дербера привезли на казенном автомобиле. Рабочие встретили его криками „ура". Дербер стал держать речь, раз'ясняя положение. Рабочие, бросив работу, пошли провожать его до квартиры. В ту же ночь Дербер при помощи рабочих скрылся.

Спустя несколько дней арестовали и второго руководителя забастовки Шишкова. Он просидел 2 месяца и после освобождения, также на средства рабочих, скрылся.

Между тем, у мирового судьи разбиралось заявление рабочих об уплате за первые дни забастовки (дело 2-х рабочих). Суд постановил уплатить им за эти дни (5 дн.). Рабочие, узнав об этом, стали требовать у администрации уплатить всему заводу. Администрация отказалась. Итальянская забастовка, поэтому, возникла снова. Она в общем итоге продолжалась недель пять. Администрация пошла на уступки и согласилась уплатить за 5 дней. Но рабочие потребовали уплаты и за дни итальянской забастовки, вызванной поведением администрации. В ответ на это рабочие, придя на работу, натолкнулись на запертые ворота и на об'явление о закрытии завода и расчете всех рабочих. Тут же перед воротами устроили собрание и потребовали представителя администрации. К рабочим вышел заведующий заводом и об'явил, что завод закрыт, а за получением полного расчета надлежит явиться через 3 дня.

Рабочие составили прошение и подали в суд. Мировой принял дело рабочих (оно тянулось больше года). Судили по группам несколько человек. Администрация упорно не хотела платить за „простой", доказывая, что рабочие сами не хотели работать. Рабочие, наоборот, доказывали, что администрация многих гнала с завода, не давая работы. В результате суд принял решение в пользу рабочих. Все же некоторые деньги так и не получили.

При полном расчете рабочих пропускали сквозь стражу.

В апреле начался набор рабочих. Пропускали также через стражу. Набирали не сразу, а ежедневно по 1-2 мастерской. Каждого разбирали всесторонне. В общем штат рабочих сохранился, но некоторых не приняли в завод.

„Новый“ штат, приступив к работе, через три дня об'явил забастовку, требуя принятия выброшенных с завода обратно. Администрация принуждена была исполнить это требование.

* * *

Накануне 1-го мая в кружок прибыла масса прокламаций. В ночь они были расклеены не только по заборам, но и в коридорах домов, на лестницах, сараях. В день 1-го мая вся Симоновка поразилась обилию листовок.

В заводе на станках, везде и всюду, пестрели воззвания.

Под влиянием прокламаций и агитации рабочие бросили работу и, выйдя на улицу, остановили Бари и Ган.

С революционными песнями вышли всей массой на площадь, где открыли собрание. После собрания разошлись по домам. К вечеру собрались в Тюфелевой роще, но не успел докончить речи первый оратор, как появились казаки и всех разогнали.

* * *

Все лето на заводе шло брожение. Социал-демократическая пропаганда кружка развивалась.

Рабочие снова стали поговаривать о требованиях, выставленных в январскую забастовку и не удовлетворенных администрацией.

Учитывая такое настроение, кружок обсуждал положение, кстати сказать, почти общее для всех заводов, в Тюфелевой роще.

27 сентября собрались представители разных заводов. „Динамо“ послал особенно много делегатов. Поставили вопрос о забастовке. Представители Бари и Гана, не возражая в принципе против забастовки, категорически отказались ее начать и обещали лишь поддержку при первом же случае.

Активные работники „Динамо“ взялись за организацию забастовки на заводе. Утром, 28-го, некоторые мастерские остановили работу. но большинство рабочих оказались неподготовленными, и забастовка провалилась. Зачинщики (Булычев и Офман) были в тот же день уволены с завода.

* * *

Революционные события быстрыми волнами пробегали по стране. Появился и царский манифест „о свободах“ 17 октября.

Рабочие в то время более или менее свободно ходили на митинги. Социал-демократы развивали широкую агитацию против манифеста и призывали к дальнейшей борьбе.

Сознательные рабочие относились к манифесту, как к очередной провокации правительства.

Тюфелева роща стала излюбленным местом сборищ рабочих. В октябре там происходило многолюдное собрание симоновских заводов и мелких фабрик.

Выступала пропагандистка Спиридонова (не эсерка). Собрание решило об'явить забастовку по заводам и выработало требования (8-ми час. раб. день и т. д.).

„Динамо" остановился, за ним Бари и Ган.

Рабочая масса двинулась снимать Цинделя. Дойдя до Плашкаутного моста, рабочие увидели отряд полиции, расположившийся посередине моста.

Обнажив шашки, полиция предложила рабочим разойтись.

Народа у моста столпилось несколько тысяч. Передним рядам пришлось остановиться перед обнаженными шашками, а задние напирали на передних.

Но под напором полиции масса поддалаеь и отступила, заняв железно-дорожный перевал. Оттуда рабочие метали в полицию камнями. Последняя отступила. Рабочие хлынули за ней. Пройдя $^1/_3$ моста полиция, увидев, что камни израсходованы, снова возвращалась и гнала рабочих с моста. Так продолжалось до трех раз. Наконец, околоточный, стоявший у шлагбаума, произвел в толпу два выстрела.

Толпа шарахнулась, но и из нее последовало по городовым нееколько выстрелов. Рабочие быстро установив порядок, всей массой двинулись на мост.

В это время, по знаку полиции, из ворот ф-ки Гевардовского появился эскадрон казаков и влетел на мост.

Толпа в смятении разбегалась. Казаки хлестали направо и налево. Рабочие убегали в слободу. На насыпи казаки никого уже не застали, но часть рабочих, в их числе и Спиридонова, не успели спастись. Спиридонову казаки вытащили из товарного вагона, куда она спряталась, страшно ее избили и бросили без всякой помощи.

Часть казаков направилась к „Динамо", часть за Симонов монастырь, пытаясь, таким образом, окружить рабочих. Это им не

удалось. Рабочие рассыпались по домам, а некоторые пошли в чайнушки.

Казаки по дороге избивали встречных. Сидящие в трактире рабочие видели эти сцены. Казаки направились и к трактиру. Поднялась большая суматоха, полезли через забор, бросились к заднему выходу, но некоторые остались сидеть за столиками.

Казаки произвели поголовный обыск, а затем, выпуская по одиночке на улицу, смотрели на ноги: у кого обувь не загрязненная—пропускали свободно, у кого грязная—стегали нещадно.

Так закончилась забастовка и попытка снять Цинделя.

* * *

По России пронеслась первая волна погромов.

Симоновку наводняли чудовищные слухи. Разнеслась весть и о том, что на Симоновку готовится нападение „черной сотни". Повелась агитация за вооружение рабочих.

18 и 19 ноября на „Динамо" все рабочие бросили обычную работу и готовили кинжалы и пики. Кузнецы ковали, токаря точили, слесаря опиливали.

Спешно организовалась охрана слободки. С вечера всюду поставлены пикеты, дозорные; в приходской церкви от колокола была протянута веревка и поставлен дежурный, который должен был бить тревогу в случае появления подозрительных групп.

Население поселка оповестили, что в случае набата надо быть готовым к борьбе.

Женщины ходили с сумочками и с красными крестами на груди и рукавах.

Организовались рабочие „десятки", назначались старшие, штабквартира находилась на Кошачьей слободке. Руководителями штаба были с.-д. и беспартийные рабочие.

В течение двух-трех дней Симоновка ощетинилась.

21-го вся Симоновка забастовала, и рабочие массы заполняли слободку. Митинги, революционные песни чередовались меж собой.

День провели в ожидании. Но нападения не последовало.

Тем не менее, рабочие не переставали вооружаться. Оружие доставали и из центра (реальное училище Фидлера).

В рабочих массах шли деятельные приготовления к вооруженному восстанию.

* * *

Получена директива от московского центра начать стачку 7 декабря.

В этот день заводы Симоновки остановились. На улицу, как всегда, первыми вышел „Динамо“ за ним Ган и Бари.

Рабочие отнеслись к забастовке с энтузиазмом и вышли на у́лицу все, как один.

В столовой завода Бари организовали собрание, где раз'ясняли положение.

По Москве шла уже перестрелка. Строились баррикады, укреплялись опорные пункты.

Из Симоновки активные рабочие направились на митинг в Алексеевское училище, где также получили соответствующие инструкции.

В Симоновку на подкрепление была направлена „кавказская“ [1]) дружина.

Симоновка быстро преобразилась. Везде расставлены патрули, задерживавшие проходящих для проверки личности. Полиция куда-то исчезла.

Организовали красный крест со штатом санитаров. Установили связь с Крутицкими казармами, от солдат в Симоновке имелись делегаты.

Перервали телефонные и телеграфные провода.

В чайной днем и ночью работал штаб. Чайная же служила и местом для арестованных.

Словом, Симоновка находилась в руках восставших рабочих.

Любимым местом сборищ рабочих была кухня завода „Динамо“, где обсуждали положение, получались новости из Москвы, происходили митинги и собрания.

Однажды, утром, на противоположном берегу Москвы-реки показался отряд городовых с околодочными во главе.

Показывая рукой на „Динамо“, околодочный что-то об'яснял отряду, который после этого намеревался перейти по льду от ф-ки Шлихтермана на правую сторону.

Поняв маневры полиции, кавказская дружина, находившаяся в столовой завода Бари, взяла полицейских под обстрел. Околодочный пал мертвым. Полиция поспешно отступила на берег.

Спустя некоторое время начался обстрел столовой Бари и кухни „Динамо“. Появились и драгуны.

---

[1]) Дружина, состоявшая из студентов—кавказцев. *Редакция.*

БИБЛИОТЕКА

Дружинники стали отвечать. Часть их засела на чердаках завода, часть в столовой Бари, другие на колокольне Симонова монастыря.

Перестрелка разгоралась. Стреляли друг в друга на большом расстоянии.

Дружинники, учитывая это и видя, что у них патроны иссякают, по одиночке, группами перебрались к Плашкаутному мосту и засели на баржах с сеном, стоявших как раз напротив ф-ки Фарбверке и Гевардовского, где засели драгуны.

Стрельба продолжалась до позднего вечера. Дружинники, видя явный перевес на стороне драгунов, постепенно отошли в слободку и рассыпались по домам.

Драгуны не решились следовать в темную, неизвестно что таящую Симоновку.

На другой день в Симоновке появились солдаты Семеновского полка, намереваясь окружить чайную о-ва трезвости, где как раз находились активные работники кружка и рабочие, почти все вооруженные. Завидя семеновцев и поняв их попытку, находившиеся в чайной спешно прятали оружие, кое-кто скрылся через задний ход.

Семеновцы произвели в чайной тщательный обыск и вышли ни с чем. На площади, перед уходом, постегали попадавшихся навстречу рабочих.

Между тем, кавказской дружине была дана директива двинуться на Пресню. С уходом дружины направились туда и рабочие, в одиночку, попарно, маленькими группами и разными путями.

Многие из них просочились через полицейские заставы и затем дрались на Пресне.

Начался разгром. Последние дни доживала революционная Пресня.

В Симоновке многие в квартирах не ночевали, жили в роще, в бараках, у знакомых в городе.

Наконец, получено окончательное известие—восстание проиграно, спасайтесь!—

Симоновцы разбрелись, в рабочих каморках притихло.

Наступали кроваво-багряные сумерки.

(По воспоминаниям Макарова, Миронова, Панюнина, Барканова, Сукианова, Прянишникова, Савельева).

1906—1912

y

Понемногу рабочие собирались и приступали к работам. Заводская жизнь, как будто, входила в колею. Только полиция своим бессменным присутствием на заводе подчеркивала настороженность положения.

С.-д. кружок, дезорганизованный победой реакции, лишился активных членов, раз'ехавшихся в разные углы страны, но оставшиеся не бросали работы.

Отчаянную дискуссию вели перед выборами в 1 Думу с меньшевиками, стоявшими за участие в Думе.

Проводимый по партийной директиве бойкот Думы не удался, но наблюдался большой абсентеизм рабочих при выборах выборщиков.

1-я Дума распущена.

В одно из летних воскресений в Орловской роще происходило собрание представителей многих заводов Москвы. Выступал т. Смидович („Василий Иванович")—руководитель МК большевиков. Постановили об'явить обще-московскую стачку, стараясь перевести ее в вооруженное восстание.

Подготовительная работа дала в результате забастовку на „Динамо". Присоединился Бари. Шли собрания раз'ясняющие смысл событий.

Но большинство заводов Москвы продолжали работать нормально. Стачка, таким образом, была сорвана. „Динамо" стоял три дня. Рабочие, находясь в неведении, истощенные предыдущими событиями, приступили к работе.

* * *

Партийная работа на заводе не прекращалась. Она ослабла, не имела строго организационной формы, как, напр., кружка, но велась отдельными товарищами. Вся работа проходила вокруг выборов во 2 и 3 Думы и агитация проходила успешно. Беспартийная масса шла за большевистскими лозунгами.

На заводе вошло уже в обычай праздновать ежегодно 1-е мая и 9-е января. Не прекращались и недоразумениия между администрацией и рабочими. Обще-заводских забастовок до 1912 г. не происходило, но отдельные мастерские останавливались, вступали в стычки с заводоуправлением, и работа все время шла с перебоями.

Шла, так сказать, мелкая борьба с администрацией, и последняя не останавливалась перед увольнением рабочих.

Листовки, прокламации также распространялись на заводе. Отдельные партийные товарищи завязывали связи с подходящими для подпольной работы рабочими и через них влияли в мастерских. Партийные работники завода не оставляли без внимания и легальные возможности.

Так, в 1909 г. той же Кораблевой, при помощи либеральных профессоров, была организована лига образования. Лига вела культурно-просветительную работу, устраивала рабочие экскурсии и вечера. Экскурсии использовались рабочими под руководством партийных товарищей для политических бесед и проводили время в пении революционных песен.

В лиге обучались грамоте, более развитым рабочим читались лекции на разные темы.

Партийные работники старались осветить политические вопросы начинающим рабочим.

Лига являлась культурным уголком для рабочих, где влияние имели социал-демократы.

Тем не менее, по предписанию Министерства Внутренних Дел лига была закрыта.

День процедуры обыска в помещении лиги и у некоторых ее участников был последним днем ее существования.

(По воспоминаниям П. Алешина, С. Макарова, М. Миронова, Панюнина).

1912—1914

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ.

Поступил я на завод в 1912 г. Немного проработавши, пришлось познакомиться с товарищем Перфильевым, который познакомил меня с другими, работавшими в аппаратной мастерской. Как раз был издан закон о страховых кассах и велась кампания. В первую очередь пришлось обсуждать вопрос о том, как проводить страховую кампанию на заводе „Динамо". Отчасти и другие заводы участвовали в этой кампании, как то с завода Бари—Николай Макаров, который только что познакомился с нашей группой, но активного участия не принимал. Мы собирались на квартире у Перфильева (Симонова слобода, д. Репкина). Присутствовали я, Нарштрем, Михайлов, Волков, (с завода Бари), Перфильев и „Добрый молодец" (фамилии не помню). На обсуждении у нас стояли следующие вопросы: 1. О председателе правления больничной кассы (по закону председатель должен быть от заводоуправления), 2. О наблюдении за тем, чтобы проценты налагались по закону, как на рабочих, так и на предпринимателей и часть из них переложить на предпринимателя. Я помню, что через некоторое время были пред'явлены заводоуправлению требования: а) отказаться от председательствования в правлении больничной кассы, б) повысить расценки на 15%. Это требование проводил перед дирекцией т. Перфильев. Дирекция завода не пошла навстречу. Была об'явлена забастовка. Она—всем заводом—продолжалась в течении двух месяцев (июнь—июль 1912 г.). Тяжелые условия существования рабочих препятствовали успешному проведению забастовки. Между прочим, вместе с нами принимал активное участие некто Волков (назывался с.-д. большевиком), который в 1917 г. оказался провокатором (был ли он тогда провокатором не знаю). Он участвовал на наших собраниях, совещался с нами.

Во время стачки на собрание пошли несколько рабочих из других мастерских в Тюфелеву рощу, где устроили митинг, и один товарищ (фамилии не помню) об'яснял положение о больничных кассах. Было вынесено постановление продолжать стачку, но было большое провокаторство и штрейкбрехерство. Но всетаки рабочие почти что целиком провели свои требования. В некоторых мастер-

ских расценки были увеличены. Насколько я помню, администрация увеличила нам некоторые расценки и взяла $2^0/_0$ взноса в больничные кассы на себя, а $1^0/_0$ вычитала с рабочих. Вот чем кончилась эта стачка. После этого наша группа продолжала существовать на заводе.

В 1913 году опять перед маем месяцем пришлось проводить кампанию об увеличении расценок. На заводе было сильное брожение. Было также пред'явлено требование об удалении мастера токарной мастерской. Рабочая масса дошла до того, что хотела вывезти мастера на тачке. В это же время, благодаря подготовительной работе большевистской группы, была об'явлена забастовка для поддержки бакинских рабочих, и бастовали в течении $1^1/_2$ или 2-х мес. (сделан сбор для рабочих Баку).

Эта стачка, насколько помню, была удовлетворена. Мастера уволили и расценки несколько увеличили. Но в дальнейшем стачка была сорвана. Среди рабочих часть стала требовать приступить к работе, были и штрейкбрехеры.

Наша же группа хотела довести стачку до того момента, когда только администрация завода будет вести переговоры с Профессиональным Союзом металлистов, так как администрация намеревалась это сделать, начала было переговоры, но потом прервала. От нас членом правления Союза Металлистов был т. Перфильев. Он был арестован.

После того, как рабочие приступили к работе, началась реакция, так что группа не вся в целом, а частью перешла на завод Бари, а другие раз'ехались, неизвестно куда. В дальнейшем, уже в 1914 году, группа опять начала развивать свою деятельность, и перед самым началом войны под руководством Союза Металлистов была об'явлена стачка. Были пред'явлены требования 8-ми часового рабочего дня и увеличение всех расценок на заводе. За летнее же время до стачки—заводом „Динамо" были вынесены протесты, как напр., по поводу закрытия газеты „Правда". Во время перед военной стачкой активное участие в ней принимали товарищи: Нарштрем, Михайлов, Шубин. Во время стачки последовал разгром группы. Были арестованы Перфильев, Чернов, Нарштрем. Также была арестована часть правления Профессионального союза. После стачки мне не пришлось приступить к работе на заводе.

П. А. Максимов.

1914—1917

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Я начал работать на заводе „Динамо“ в 1914 г., приблизительно числа с 5-го октября. На заводе тогда настроение было патриотическое. Рабочие добровольно высчитывали 2 или 3% заработка на помощь семьям призванных на войну. Следовательно, говорить в то время интернациональным языком можно было с большой осторожностью. Помню, что после первых поражений на фронте рабочие начали выгонять с завода немцев. Это было числа 10—15 октября перед арестом в Питере большевистской фракции IV Думы. Я помню, когда на заводе поднялся шум, мне пришлось пойти в большую мастерскую. Там окружили директора завода Гервера, только что вернувшегося из Германии. Общей стачки тогда не было, но работали полдня после обеда, а на другой день несколько шумели, но работы не бросили. После этого решено было созвать представителей мастерских. Администрация, заигрывая с рабочими, согласилась. Некоторые поставили вопрос: как быть с немцами? Было решено выгнать заведующего двигательной мастерской Мекса, вопреки желанию всей мастерской, где в этом направлении работал член правления Союза Металлистов и больничной кассы т. Алексеев. Но Мекс по настоянию большинства делегатов от должности был отстранен.

Как ни велико было патриотическое настроение, но оно не крепко засело в умах рабочих. Сказывалось и влияние Союза Металлистов, особенно через членов его, группировавшихся около т. Алексеева.

В это время арест думской фракции в Питере вызвал на заводе столь неожиданную однодневную стачку протеста, что всполошилась вся администрация, а полиция не знала что делать. Арестовали т. Алексеева.

На другой день рабочие вышли на работу. Завод нормально заработал. Процентные отчисления пошли своим чередом, но мобилизация ратников ополчения была встречена недружелюбно. Направили делегацию в заводоуправление с требованием оставить ратников на заводе, стали поговаривать, что на заводе „Лист“ ратников оставили в заводе на учете. Дирекция отказала. 30 человек было взято.

На заводе организовался драматический кружок из молодежи, часть из них была членами Союза Металлистов. В этом кружке работал Илья Борисов. Кружок был вне политики.

1-е мая как провели не помню. Но один раз вывели свою группу на Москва-реку. Собралась одна молодежь, человек 30. Борисов прочел доклад. Немного говорил и я „о капитализме и социализме“. После этого создали небольшой большевистский кружок. В него входили, кроме меня и Борисова, товарищи: Аборин, Алешин, Алексеев, Тик. Они о большевизме почти ничего не знали и в нашу задачу входила обработка их. Связались с центром. 9-го мая сумели второй раз вывести человек 35 в село Коломенское, где в одном из садов дожидались докладчика, но он не пришел. Тогда прочитали письма Ленина о наименьшем зле поражения царской армии. Посредством этого кружка мы начали влиять на всю молодежь завода, но расширять кружок не решались. После 9-го мая к нам стал ходить Егор Иванович. Егором Ивановичем было прочитано несколько докладов. Наши ребята стали большевиками. К 28 мая царская армия потерпела несколько поражений. В Москве чувствовалось, с одной стороны, уже обратное отношение к войне, с другой—начиналось погромное движение. Про немцев ходили невероятные слухи. В Симоновке говорили, что на Благуше, на Даниловке и в прочих местах немцы устраивают погромы. А в других местах говорили, что на заводе „Динамо“ ведут подкоп под пороховые погреба. Указывали, что 12 автомобилей возят по ночам землю. Потом разнеслись слухи, что раскрыт подкоп по Угрешинской улице. На заводе „Доброва, Набгольц“ техник Васильев стал выступать с погромными речами. Были митинги и в городе, и везде участвовал погромщик Васильев. 27-го мая вечером погромные речи были в Замоскворечьи. 28-го мая утром рабочие Цинделя повели топить, кажется, заведующего фабрикой. Эта весть разнеслась с быстротой молнии по Симоновке. „Динамо“ кончил работать часов в

9 утра. Наша модельная кончила последней, причем некоторые товарищи не хотели кончать, но мной было сказано нашим товарищам, что раз имеется недоразумение—мы должны быть. Перед конторой у ворот собрался весь завод. С увещательной речью вышел, кажется, директор Ольгин, но его почти никто не слушал. Полиция, как вымерла, не было даже городовых. Кто руководил этим собранием определить было трудно. Наша группа делала попытки эту массу как нибудь сорганизовать и не дать выйти на улицу с патриотическим флагом. Эту задачу мы все-таки выполнили. Здесь выступал Борисов, говорил о значении войны, но ему не удалось сказать более 10—15 слов: ему не дали говорить. Потом говорил я. Мне пришлось говорить о значении войны, примерно, с четверть часа, пока я не упомянул слова „немцы". Дальше мне не дали говорить, поднялся сильный шум. Можно было заметить, что организатором является некий Прокофьев из аппаратной мастерской, который вышел с палкой и стал говорить: „глас божий—глас народа"—и о том, что надо бить немцев и прочее. Здесь большую роль играла аппаратная мастерская и к нашему недоумению Белорусов, который потерял всякую связь с партией с 1905 года. Прокофьев и Белорусов переписали всех, имеющих немецкие фамилии. Все-таки нужно считать, что наша цель удалась—выйти такой массой за ворота мы не дали. Мы, кажется, достоялись до обеда и пошли обедать. После обеда снова вышло большое количество рабочих в завод и продолжали митинговать. Мы расстроили патриотическую группу демонстрантов, сорганизованную с разных заводов и прочих отбросов часа в два. В три стали расходиться неорганизованно, пошли кто куда. К этому времени стали появляться в Симоновку „с добычей", что у некоторых поднято настроение, а у других было просто любопытство. Наша группа ушла последней, и мы собрались на площади за монастырем. Было человек 7—8. Пришел Уханов, который до этого не был в нашей группе. Думали, как быть дальше: будет ли завтра стачка или не будет? Как действовать? Стачки на другой день не было, но по мастерским выбрали делегацию для определения „чистых немцев".

Здесь начала работать полиция, стремясь привлечь к себе расположение рабочих. Околодочный Андреев составил несколько протоколов с показаниями рабочих на некоторых мастеров. Полиция, во главе которой стоял генерал Желток, стремилась показать рабо-

чим, что администрация стоит на стороне немцев. Замечу, что собрания созывала большей частью полиция. Модельная каким-то образом сначала не вошла в эту комиссию. Только на третье или на четвертое собрание был избран делегат из модельной, а именно я. Мне картина представилась в таком виде: как-будто подводили итоги, многих отвели от подозрения, был большой спор относительно инженера Парисси и Шмидта. Желток доказывал, что и за ними надо следить. Кто-то из рабочих делегатов доказывал ему, что они очень стары и работают на заводе очень давно. Желток считал себя посланником генерал-губернатора Юсупова, всегда говорил: „вот доложу генерал губернатору“ или „генерал-губернатор то-то сказал“. Наконец, приехал сам генерал-губернатор Юсупов. Кроме общих жалоб на немцев-мастеров, ему стали жаловаться на отсутствие трамвая (линия была проведена, а трамвай не ходил). Он обещал устроить. Приезд Юсупова некоторых наших молодых товарищей соблазнил. Мне пришлось созвать во время обеда нашу группу, где постановлено было вести агитацию за бойкот. Он не удался. Решено было на заводе разбить патриотическую группу. Решено было созвать в больничную кассу некоторых работников. Вызвали туда Белорусова, О положении на заводе мной был сделан доклад, где и было указано о поведении Белорусова и Окорокова. Они раскаялись, говоря, что не знали, что на заводе есть какая либо организация. Им отвечал Милютин, который говорил, что партия не умерла, и этим оправдываться нельзя.

Расколоть патриотов нам удалось скоро. Некоторые сразу почувствовали, что от полицейских нужно сторониться подальше, что очень обеспокоило полицейских, околодочный Андреев стал волноваться. Однажды ему нужно было, чтобы рабочие, делавшие ему показания на мастеров-немцев, подписались. Он созвал всех к себе в кабинет и заявил: „ну вот, господа, вы делали мне тогда-то показания, ну а теперь подпишитесь“. Ему разом ответили: „не будем“.— Как не будете? Вы что-же разве врали, а администрация права?— стал сбивать рабочих. Особенно приставал он к рабочему Смирнову из аппаратной мастерской. Уговорить все-таки околодочному удалось. Андреев просил, чтобы дверь была поплотней закрыта. Вдруг в двери показалась какая-то рожа. Не знаю, какие знаки она делала Волкову, но Волков тут-же вышел. Я стоял и думал: что-же это

такое? Подхожу к околодочному и говорю: „моих показаний нет, я здесь не нужен"? Он ответил: „раз ваших показаний нет, то вы можете не присутствовать". Когда я стал выходить, Волков беседовал с этой рожей. Очень была подозрительная рожа. Я над этим задумался: „как-же так Волков, хотя не был в нашей группе. но участвовал в культурной комиссии и был членом правления кассы? Мне пришлось наблюдать и дальше. После, сидя в квартире, смотрю в окно. Идут пристав и 2 околодочных и та рожа, которая разговаривала с Волковым. После этого мне пришлось собрать свою группу и повести наблюдения за Волковым, и он попал под наблюдение нашей группы. Здесь как раз произошел арест Борисова, вследствие провокации представителя Замоскворецкой группы Маракушева. После ареста Борисова представителем Московского Комитета был Аборин. Ему пришлось очень мало поработать: в начале или в конце июля он был арестован. К этому времени приехал Антипов. О Антипове и о том, что он скоро приедет, что его нужно устроить на завод, говорили нашей группе Стернер и Алексеев. Мы дали Антипову кличку „ад'ютант", так как его на суде прокурор в обвинительной речи назвал: „бадаевским ад'ютантом".

Собрание группы было раза три на берегу Москва-реки. Арест Аборина был связан с провалом МК, после чего связь была порвана. В МК был выделен я, но собраться не приходилось долго, и в течение двух недель я имел связь только с Егором Ивановичем, от которого и получал информацию. Но вскоре и он был арестован. Назначенная с ним встреча на набережной Устинского моста, ввиду этого не состоялась. Связь с МК опять была порвана до октября.

С приездом Антипова петербургская группа сформировалась в значительную величину: она обхватывала Снарядный завод и инструментальную мастерскую старого завода.

Больничная касса и ее роль. Как я раньше указывал первое собрание, чтобы расколоть патриотов, мы сделали в больничной кассе. Секретарь ее тов. Милютин начал обрабатывать членов правления. Его работа чуть не вызвала бегство из кассы некоторых членов правления, которых Милютин с трудом мог удержать. Над Жуковым работал я, доказывая ему необходимость остаться. Милютина сменил т. Розенгольц. В работе кассы стали принимать участие т. Белкин и я. Розенгольц при вступлении в должность сек-

ретаря сделал доклад. Кроме членов правления был и я. Тема доклада: „текущий момент, война и ее значение и состояние социалистических партий в Европе и у нас".

Касса стала приобретать большое значение, в ней почти ежедневно стали обсуждаться волнующие вопросы. Представители администрации не являлись на собрание правления, так что мы были свободны и провели ряд кампаний. В кассе был сделан доклад Чхеидзе, который был сорван перетрусившей некоторой частью собравшихся.

Хотя связь с МК и была потеряна, работа на заводе не прекращалась. Работали две самостоятельных организации, в начале не знавшие о существовании той и другой. Давали отпор патриотам из аппаратной мастерской Прокофьевым и Байковским, которые стремились призвать рабочих к сочувствию Московской Думе. Но в своих речах они принуждены были говорить против политики Горемыкина. На одном из больших собраний Прокофьеву пришлось говорить так: „по дороге в ставку Горемыкин потерял галошу, на обратном пути из ставки он нашел потерянную галошу в лице роспуска Государственной Думы".

Даже вот такие революционно-патриотические речи мы могли разбивать: огромное большинство рабочих было с нами. Долой войну, война не в наших интересах.

За это лето были проведены следующие изменения: отменены вычеты в пользу семей призванных. Для этого было устроено по мастерским, кажется, тайное голосование. Результат был блестящий. Проведено с каждой прибавки на дороговизну сначала 5%, потом 10%. Проведено более 10 делегатских собраний на заводе. Они как никогда сплотили рабочих и можно было выводить массу за ворота, на стачку, на протест.

В заводе, как я уже указывал, в течение 2-х месяцев работали две организации: одна старая Московская (Симоновская), другая Питерская. Ни в одной, как это ни странно, не было провала, не было провокаторов. А на заводе их работало трое: Волков, Комаров и Байков. Один большевик, другой патриот-оборонец, третий неопределенный.

Полиция стала доискиваться: почему завод стал такой революционный. Арестовали Волкова. Полиция надеялась этим впихнуть

Волкова поближе к нам (конечно, она знала какая политическая организация руководит событиями), стремясь захватить всех, как организацию. Это не удалось. В Московской группе он был в подозрении и его арест меня не разубедил в том. Было сделано указание петербуржцам остерегаться Волкова. Так что он был вне обеих групп. Складывалась необходимость слияния обеих групп. При посредстве Союза Металлистов было назначено организационное собрание. От питерской группы был тов. Яковлев и Белкин, от москвичей я. Хотя собрание не было об'явлено большевистским, но на нем присутствовал провокатор Комаров, но он почему-то нас не выдал.

Наконец, и администрация завода и полиция решили с нами покончить. Начали сбавлять расценки. В некоторых мастерских пошли протесты. Вопрос о стачке был поставлен в порядок дня. Стали обсуждать. Провели несколько узких собраний с горячими прениями. За стачку стоял Антипов. Некоторые против: я, Белкин, Стернер. Большинство было против стачки. Но стачка началась, не вытекая из стен завода: итальянили, устраивали собрания общие и по мастерским, делегатские со всех мастерских (по одному или по два делегата из мастерской). Так продолжалось неделю. Наконец, вышли с завода. Военнообязанным было заявлено явиться в Артиллерийский завод, паспорта неявившихся будут отосланы к воинскому начальнику. Среди военнообязанных произошел раскол: некоторые вышли на работу.

Было выпущено несколько листовок, были приняты меры завязать переговоры с администрацией, на что получили отказ. Выпустили еще листовки. Издавал и печатал их Колчанов (ныне Доценко). Стачка близилась к концу. Арестовали и выслали Розенгольца, предложили под страхом ареста выехать Белкину. Стачка шла чередом, желающих работать сдерживали. Наконец, полиции, повидимому, надоело. Было отдано приказание арестовать зачинщиков.

Под воскресенье арестовали до 20 человек. Среди них: Алешин, Тарасов, Яковлев. Корзинов, говорили, сбежал от ареста. Меня почему-то не взяли. Об этом разгроме мне было сообщено т. Алексеевым и Мироновым Сергеем. Я был в этот день вызван околодочным в домовую контору. Мне было предложено явиться к воинскому начальнику. Я указал, что я белобилетник. Околодочный вел себя очень подозрительно и тут же посоветовал туда не

ходить. Я решил, что сегодня должны и меня арестовать, но почему-то оставлен.

Этим закончилась стачка. На работу не было принято до 200 человек. Среди них попали и наши патриоты и много прочей публики. Арестованные были скоро высланы и частью были отправлены к воинскому начальнику.

Несколько слов о нашей связи с МК. Перед стачкой поступившим к нам на завод т. Чичеровым было передано одному товарищу, близко к нам стоящему, передать кому-либо из наших товарищей явку к нему Чичерову Егору. Поручено было мне. Я был у Чичерова на другой день. С ними ходили на явочную квартиру к Щербакову, рабочему фабрики Ронталлер. Через несколько дней был созван новый МК. Второе собрание, на которое был приглашен от литературной группы т. Смидович, от симоновской я, от портных Андреев А. А., от лефортовцев Шутко, Щербаков, Нина и Чичеров. Смидович доказывал, что нужно держаться не на линии наименьшего зла, не на актуальном мире, а держать курс на мир всего мира. Против него говорили т. Нина и Чичеров. Это было до стачки на заводе.

Третье собрание было после стачки и я должен был кончить представлять собой Симоновскую организацию, как уже не существующую. Из видных товарищей остался только Уханов. Остальные уволены и высланы. Третье собрание было опять на квартире тов. Остроумова, рабочего завода „Пэлка“. Этот завод изготовлял подковы и находился на Благуше. Собрание подходило к концу, когда пришла полиция, и нас арестовала. Были арестованы: Шутко, Щербаков Ник. Ник. (убитый в Октябрьские дни у Кадетских корпусов), Остроумов Александр и я. Поместили в Басманный арестный дом.

Н. И. Соколов.

(Московская группа.)

„ДИНАМО" В ВОЕННЫЕ ГОДЫ.

(1915 г.).

Если рабочие завода „Динамо" (Москва), подобно рабочим других заводов, в первые месяцы мировой войны и были увлечены шовинистической волной, то очень скоро отрезвели. Царское правительство, тяжелым прессом придавив рабочий класс России, подавляя всякие рабочие организации и преследуя рабочих представителей, яснее ясного указало рабочему классу России на самого страшного его врага—царизм.

Арест рабочей фракции Гос. Думы был завершением этой политики.

Этой пощечины рабочие не могли снести и забастовали. Бастовал и завод „Динамо". Когда же состоялся суд над рабочими депутатами, то снова прокатилась вторая волна забастовок протеста. За эту вторую забастовку 18/II—1915 г. были арестованы на заводе „Динамо" 1) Золотарев, Михаил Иосифов—инженер-технолог, 2) Пророков, Иван Харлампиев, 3) Копылов, Александр Семенов, 4) Алексеев, Сергей Алексеев, 5) Оборин, Николай Дмитриев, и 6) Шишкин, Василий Иванович.

К счастью эти аресты не совсем попали в цель и только внесли озлобление в рабочую среду. Вскоре все, кроме Пророкова и Алексеева, были освобождены, а этих двух административно выслали из Москвы. Репрессии не смутили большевиков. И они, несмотря на все трудности и опасности, продолжали вести агитацию. А трудности были весьма значительные. Усиленно травя немцев и решительно осуждая всякое выступление в защиту интересов рабочих, воинствующая печать и патриотически настроенные слои населения называли большевиков шпионами и немецкими провокаторами.

Первое мая прошло не хуже других годов. На заводе была выпущена листовка. В этой листовке, написанной одним из рабочих, мы читаем: „Нас усыпили теми доводами, что отечество в опасности и нужно отказаться от внутренней вражды и соединить свои силы для отражения врага и спасения отечества.

„Теперь наступило время пробуждения от этого страшного кошмара, навеянного на нас нашими врагами.

Довольно крови. Долой войну. Да здравствует рабочий труд.

Группа сознательных русских рабочих".

К осени, идеи гражданского мира окончательно испарились из голов „динамовцев". Положение рабочих становилось невыносимым. По сообщению фабр. инспектора 16 уч. от 16/XI за № 593 расценки на заводе понизились приблизительно на 30%, а по наведенным справкам среди рабочих приставом 3 уч. Рогожск. ч. на 50%. Вследствие этого многие рабочие ушли с завода, находя невозможным работать при таком понижении расценок, каковое заставляет, чтобы обеспечить себе достаточный заработок, работать сверхурочное время до 2—5 час. Производительность завода значительно понизилась из-за отсутствия опытных рабочих.

10-го октября 1915 г. рабочие завода забастовали и пред'явили требование в прибавке 30%.

12/X в 3 часа дня приступили к работам 4 отделения, всего 600 чел. и ночная смена в 150 чел. все стали на работу, кроме токарей, которые пытались снять с работы остальных.

14-го снова все в количестве 2032 забастовали. 14-го было вывешено об'явление, что все, не явившиеся на работу до 12 час., будут уволены. 400 ч. явилось, но остальные не были допущены к работам. После обеденного перерыва 95 военнообязанных из 264 приступили к работам и только потому, говорит пристав 3 уч. Рогожск. части, что не читали вывешенной прокламации. 16-го к работам приступило 150 ч. Попытки снять не удались вследствие появления нарядов полиции. 16-го было об'явлено об увольнении всех и новом приеме с 17/X в снарядное отделение.

Забастовка, к сожалению, шла не особенно дружно. Две существовавшие на заводе большевистские группы (питерцев и москвичей) действовали не совсем дружно. Осложнилась забастовка арестом двух рабочих завода—Белоусова, Сухобруса и секретаря больничной кассы Розенгольца, А. П.

Рабочие послали к директору завода Герверу депутацию в 8 ч., которые просили заводоуправление ходатайствовать об освобождении арестованных товарищей, но получили полный отказ.

19/X работало 220 ч.

22/X пристав сообщил, что произведенные аресты внесли большое смятение в ряды бастующих и бодрость в партию, стоящую за работу и что уже организуется среди рабочих своя партия, желающая протестовать против насилий и угроз забастовщиков (?!).

21/X рабочие снарядной мастерской в числе 190 ч., явившихся на завод, заявили, что к работам приступить не могут, так как уволенные их осуждают и даже избивают. После этого они разошлись. Через час к заводу подошла целая толпа рабочих, человек в 300, и просила администрацию выйти для переговоров, но администрация от всяких переговоров отказалась.

По сведениям, полученным от некоторых мастеров, совещания рабочих „Динамо" происходили в клубе „Просвещение", что в Симоновской слободе.

Забастовка окончилась полной неудачей. Кроме того репрессиям подверглись свыше 150 человек, высланных из Москвы, и столько же отправленных на фронт.

При новом наборе рабочих не многим из большевиков удалось попасть на завод. Многие из них очутились в Питере, на Урале и других районах России, где и приняли живейшее участие в местной партийной жизни.

Не безынтересны листовки, выпущенные на заводе во время забастовки. Так, листовка, выпущенная 17/X, гласила: „Товарищи, благодаря войне, предприниматели открыли усиленный поход против рабочих. Рабочие терпели, а предприниматели больше наседали, прикрывая различные притеснения „защитой родины". Цены же на продукты поднимались теми же предпринимателями и купцами. Наконец терпение рабочих лопнуло и начался ряд стачек, сначала в Питере и других городах, а потом и в Москве. Стачки кондукторов опять возобновились, кроме их бастуют заводы: „Динамо", „Гном", „Самсон", „Люберецкий", целый ряд мануфактур и другие заводы. Нам говорят, что мы бастуя, изменяем родине, не мы, а предприниматели сами вызывают стачки; призывая нас на жертвы, сами наживают на этой же защите отечества.

„Предприниматели совместно с полицией и военным ведомством применяют везде один и тот же метод борьбы с рабочими. Запугивая расчетом, закрытием завода, а товарищей военно-обязанных передовыми позициями. В тоже время предприниматели сами противоречат себе: на заводе „Гном", так же как на заводе „Динамо"

сначала об'явили расчет, а когда рабочие пришли за ним, то расчета не дадим и „не знаем еще, что будем делать". Последнее постановление „динамовцев". Если расчет выставлен в книжках полностью, то брать и в то же время требовать выдачи паспортов и удостоверения, если расчет в книжке не выставлен, то требовать выдачу расчета полностью. После расчета ни один рабочий не имеет права входить в завод на переговоры с администрацией, переговоры должны вестись советом уполномоченных. Места будут считаться под бойкотом".

В другой листовке, написанной печатными буквами карандашем, с помощью переводной бумаги, говорилось между прочим, что „солдаты, мобилизованные на работу на заводе, отказались производить работы":

В гектографированной листовке, распространенной 19/X говорилось:

„Товарищи, ни в какие переговоры с администрацией, как в одиночку, так и группами не вступайте и в завод не входите до тех пор, пока не вывесят об'явление, приглашая уполномоченных для переговоров. Товарищи, воздерживайтесь и всячески останавливайте других, в этом верный залог нашей победы. Товарищи, все, как один, ушли с завода, и все, как один, вступили в него".

Так закончился первый год войны. В своей экономической борьбе рабочие понесли поражение, но зато они яснее осознали свои классовые интересы, освободились от дурмана шовинизма и наученные опытом борьбы, начали сплачивать свои ряды для грядущих решительных схваток.

Ив. Меницкий.

НА СТРАХОВОЙ РАБОТЕ.

Я поступил на завод „Динамо" в мае 1914 г. и был связан, главным образом, с Замоскворецкой организацией. На заводе мне пришлось наблюдать стачку. Она была об'явлена приблизительно в июле перед войной и закончилась 4-го августа полным поражением. После этой стачки были произведены выборы уполномоченных от мастерских в больничную кассу. Я был долгое время уполномоченным от бол. токарной мастерской. Таким образом, выявилась организация рабочих в виде целого ряда уполномоченных. Могу

назвать Уханова, Зорина из обмоточной мастерской, Шаблыкина из инструментальной и ряд других. Фактически направляющую работу пришлось вести этой группе делегатов. Все вопросы, связанные с бытом, они ставили зачастую перед дирекцией завода. Были созываемы совещания двух групп, которые продолжались по два, по три часа. За время, проводимое на этих совещаниях, администрация уплачивала. Но, главным образом, работа велась по больничной кассе. Будучи делегатом, я чувствовал слабость правленцев тов. Жукова и в особенности Волкова, которые вели двойственную политику. Работал и тов. Окороков. Работа направлялась слабо. Секретарем был Милютин, затем Розенгольц. Здесь помню попытки об'единения групп. Здесь было 2 или 3 собрания. Было собрание о войне. Были Уханов и питерские товарищи. Стоял вопрос о нашем отношении к войне и на этом собрании Розенгольц ясно и определенно выявил свою точку зрения, и эта точка зрения была пораженческая. Перед делегатами больничной кассы стал вопрос об отчислении, которое производилось на содержание семей, призванных на войну. Это отчисление было признано нецелесообразным и был признан следующий взгляд. что если капиталистам нужна эта война, то пусть они найдут гражданское мужество оплачивать семьи тех, которые посланы на эту войну. Помню, что в мастерской был поднят этот вопрос и ходило письменное голосование, которое имело свои результатом—отказ от отчисления процента на поддержание семейств призванных на войну и после этого перестали вычитывать проценты на содержание семейств призванных.

Мне хотелось бы еще остановиться на последнем моменте перед моей ссылкой—это на том собрании уполномоченных больничных касс, где присутствовали обе группы. Было назначено собрание уполномоченных больничных касс. Явился околоточный Андреев, но не явились назначенцы. На этом собрании председателем был избран я и все вопросы, которые были в порядке дня, были выброшены и поставлены другие новые вопросы, а именно: наше отношение к войне, к фракции. Это собрание мы провели. Постановления этого собрания были развешены по всем мастерским. Это было, приблизительно, в сентябре 1915 года, не помню точно. кажется числа 8-го или 5-го и после этого началась стачка.

Правда, она проходила уродливо, перекидывалась из одной мастерской в другую, но здесь определенно вырисовывалось руко-

водство. В процессе этой стачки я был арестован и выслан с другими товарищами. Целый ряд лиц были со мной арестованы, между прочим, товарищи Корзинов, Калнен и другие.

Всего было арестовано 40 человек и взято в армию и уволено 200 человек.

Тарасов (Московск. группа).

ОТРЫВКИ ВОСПОМИНАНИЙ.

В начале 1915 г. Настроение на заводе было больше патриотическое, чем безразличное. Приглядываясь к отдельным товарищам, натолкнулся на одного молодого товарища Шуру Алексеева, с которым у меня вскоре завязались сношения. Он познакомил меня с Аборным, Петровым. Эта группа меня связывала с той группой, в которой был Соколов и другие, хотя о существовании группы тщательно скрывали от меня и нащупывали, что я из себя представляю. Наконец, мы с группой товарищей устроили в Тюфелевой роще совещание, где и установилась организационная связь. Работа велась слабо. Помню, что прокламация от 1-го мая была написана Аборным.

Накануне были предварительные разговоры: нельзя ли нам вывести рабочих с завода, но нащупав почву, мы пришли к заключению, что едва ли нам это удастся. Решили выпустить прокламацию. В момент немецкого погрома (1915 г.) среди наших товарищей было активное настроение. На собрании патриотически настроенных рабочих во дворе выступал т. Соколов и ему чуть-чуть не помяли бока, но благодаря тому, что кругом были свои, окружившие его, этого не случилось.

Выступление наших товарищей на этом собрании в известной степени подействовало на массу—настроение упало и масса не пошла организованно, а разбрелась кучками. Динамовцы не примкнули и организованно не демонстрировали. После этого, мы приняли более активное участие в работе. Первое наше совещание ни к чему не привело: была публика, которой не доверяли. Вскоре устроили организованное собрание, где об'единились новые товарищи: Макаров Николай—петербургский товарищ ликвидатор. Перед этим мы с Соколовым поставили вопрос о том: следует ли его привлечь в нашу группу, как работника, пришли к заключению, что следует привлечь, но поставили ему целый ряд условий—как

он намерен действовать по ликвидаторски или по большевистски. Предложили нашу платформу. Макаров решил, что он особенно возражать не будет и согласился вести с нами работу. С тех пор Макаров больше к меньшевикам не возвращался. Впоследствии на заводе он имел большое влияние. Работа велась, главным образом, среди молодых товарищей. Сычева и Васильева—это товарищи нашей школы. Часть из них оффициально работала с нами, часть время от времени, напр. Петров, Миронов (теперь оба коммунисты), которых мы отмечали и считали своими. Работа велась агитационно-пропагандистского характера. Почти все время непрерывалась связь с московской организацией, поскольку существовал МК. Главным образом, связывал нас Н. И. Соколов. Часто ему удавалось устанавливать связь через его брата (провокатор). Наша группа влияла на все общественные учреждения и больничную кассу; старались проводить свою линию в работе, как кооператива, так и клуба „Просвещения". Его закрывали несколько раз.

Теперь надо сказать относительно приезда питерских товарищей. Питерские товарищи приехали в один период—это приблизительно в конце 15-го года. Приехал т. Антипов, которого я знал по Петрограду, матрос Гагарин и Стернер, затем приехал Белкин. Одним словом, группа была достаточно большая, работавшая некоторое время отдельно от нас. Об'единились. Настроение боевое Давай стачку! По вопросу о стачке в нашей группе, уже об'единенной, были большие разногласия. Повидимому это и послужило причиной плохого конца. После этой стачки уцелели одиночки и из них я. После разгрома стачки кое-какая группа стала намечаться. Стали опять собирать свои разбитые ряды.

1916 г. 9-го января была организована однодневная стачка и демонстрация. Мы вышли с красным флагом и лозунгом „долой войну". Был выкрик среди толпы: „провокаторы выкидывают красный флаг", пытались его отнять, пришлось убрать.

На заводе появился Попок (провокатор), который при встрече со мной сказал: „насколько знаю, вы с.-д. Работаете в группе, которая существует здесь у нас на заводе. Я мало об этой группе знаю, но думаю, что нам работать врозь не стоит, следует об'единиться". Я знал его раньше и почему то сторонился. С этого момента работали вместе. Он имел хорошую информацию, информировал о петербургских событиях и, особенно, о стачках. Помню

созыв одной конференции на берегу Москва-реки. Это произошло после провала Московского Комитета, когда все были арестованы, кроме Попка. Устроили дискуссию на такую тему: следует ли МК организовывать из центра, как мы организовывали до сих пор. и не следует ли МК организовывать из представителей заводов, выделять конспиративно по одному товарищу так, чтобы не знали другие группы кого выделяют. Попок предложил „прежде, чем это провести, надо созвать конференцию, и потолковать на эту тему". Техническая часть работы была поручена мне. Эта конференция должна была состояться за Симоновым монастырем на берегу Москва-реки. Васильева с паролем принимала товарищей у монастыря, а другой товарищ принимал с того берега реки около „Амо". Разбились на две группы. В этот момент около Васильевой я заметил, что за нами следят и вскоре в этом убедился.

Я предупредил Попка, что за нами следят, но он сказал, что „ты очень робкий парень и все преувеличиваешь. Я с ним не согласился и дал совет, чтобы обратно ни в коем случае не вел товарищей через Симоновку, а через Даниловку, но он сделал на оборот; всех товарищей повел по Симоновке на глазах шпиков, после чего произошли аресты. Я спросил Попка, почему их повели по Симоновке. „От дождя промокли и все спешили". Конференция прошла неудачно, однако у меня не было и тени подозрения по отношению к Попку. Помню такой случай: кто-то приехал от ЦК. Приехал непосредственно к Попку. Последний предложил отправить его к Мусину для ночевки. Этого не сделал, а сговорился с Еремеевым (член правления Потребит. О-ва) и отправил к нему. Он жил в Кожухове. Это было подходящее место. У Мусина был обыск. Никого не нашли, но арестовали Мусина и после нескольких дней отпустили. Помню еще такой случай: Попок получил сведения, что в Петербурге не все обстоит благополучно и предложил немедленно собирать деньги среди рабочих для закупки оружия и в первую очередь предложил купить пулемет. Это было приблизительно перед 17-м годом. С помощью Попка установилось регулярное получение прокламаций и листовок, как своего произведения, так и заграничного. В начале февральской революции он очень рвался из Москвы, но мы его всячески удерживали. Провокационные аресты в чайной—это было дело несомненно его рук.

К. В. Уханов. (Москов. группа).

ДИНАМОВЦЫ и НЕМЕЦКИЙ ПОГРОМ.

До февраля 1915 г. на заводе „Динамо“ существовал драматический кружок. Я вошел в него с тем, чтобы начать подготавливать почву для организации. И уже на первой проталинке на берегу Москва-реки я делал доклад о политических партиях. Присутствовало человек 25. Почин был сделан и стали готовиться к спайке марксистов большевиков.

У себя на квартире я читал небольшому кружку Эрфуртскую программу. Работая в профессиональном союзе металлистов и страховой комиссии, я сделал в апреле в роще, после работы, доклад о профессиональных союзах и почему нам рабочим необходимо в них идти и приглашать остальных.

К этому времени через одного из наших товарищей была установлена связь с центральной группой или внерайонной, а также с двумя районами Лефортовским и Даниловским.

Мы были оформлены, как район, и выбрали двух представителей на общее собрание всех поименованных районов, которое состоялось в Зверинце.

На об'единенном совещании был выбран центр из трех, куда от нашего района входил я (или зам. один товарищ). Время двигалось к первому мая. Готовились к маевке. Наша организация уже насчитывала около 40 чел., в нее входили от всех заводов района. Самая крупная и сильная ячейка была на заводе „Динамо“. На предварительном совещании в селе Коломенском, среди фруктовых деревьев в церковный праздник села, наш район собрался для намечения порядка выступления и заслушивания доклада: о задачах и лозунгах 1-го мая. На собрании присутствовал весь район чел. 40—50 (мною был сделан доклад).

Работа с 1-го мая стала расширяться и углубляться. Наши собрания участились, как по общим собраниям текущей политики, так и по теории марксизма. Тюфелева роща и берег Москва-реки, за Окружным железнодорожным мостом, в кустах раскинулись по берегу. В ямах, которыми изобилует это место, происходили доклады тов. Егора Ивановича (Охлопкова), Андрея Петровича (Молотова) и других товарищей. Для предосторожности на всех ведущих дорогах к берегу Москвы-реки устанавливались пикеты с условными паролями.

В доме № 3, квартира Соколова служила местом собраний, где делались доклады текущей политики. На квартире Борисова Ильи, в Липках, д. Лушкина, занимался кружок марксистов, на квартире Тика по Ослябинскому пр. происходили общие собрания организаций.

Ведя нелегальную работу, мы не оставляли драматический кружок и туда затаскивали молодежь для испытания. После репетиции, разыгрываемой пьесы, кружок декламировал революционные стихотворения.

На заводе работала группа товарищей-меньшевиков интернационалистов, с ними мы постановили сблизиться.

В один из воскресных дней, в первых числах мая, было назначено собрание в Тюфелевой роще. От нас было два товарища: Борисов Илья и Соколов Николай, от них тов. Макаров Ник. Говоря о тактике, их представитель считал возможным поддерживать рабочих в выгонке нежелательных мастеров и администраторов под видом национальной ненависти, наши представители считали это недопустимым, предлагая даже активно с этим бороться. Но в конце концов договорились, и наша организация силами укрепилась, да к тому, надо отдать справедливость, тов. Макаров не сильно с нами расходился и впоследствие он был одним из активных организаторов нашей партии, также и после февральской революции. Бывшая связь с заводом Бари облегчила нашу политическую работу по спайке района. К концу мая русская армия отступала из Галиции с большими поражениями, атмосфера накалялась до революционной вспышки. Правительство решило отвлечь внимание трудящихся и солдат. Стали травить людей с немецкой фамилией и 27-го мая по Москве стали громить немецкие магазины. На ф-ке Цинделя был убит и утоплен в Москва-реке директор фабрики. События принимали кошмарный характер. Перед нашей организацией стоял вопрос, как ликвидировать погром или как его использовать для протеста против войны и царизма. А также, в частности, не допустить такого кошмара у себя на заводе. Но в мастерских уже поговаривали о присоединении к другим заводам и проделать такую же мерзость, какую сделали у Цинделя. Наши ребята заволновались, да и было чему волноваться. И вдруг погром. На заводе работало довольно много с иностранной фамилией. Мы решили уговаривать по мастерским не останавливать работу. 27-е мая прошло благополучно. Мы думали, что также пройдет и

28, но уже с утра, рабочие „заволынили" и уже чувствовалось что-то недоброе, то, чего мы страшно боялись. Темные силы победили, и наши уговоры ни к чему не привели.

Мы стояли перед фактом погрома, от нас требовалась последняя мера выступить открыто, подвергая этим опасности выступающих и организацию. Рабочие собрались у главной конторы.

Выступить открыто с трибуны никто из вдохновителей не решался, лишь раздавалось: „Кричи Цибульку". Цибулька был управляющий заводом. Полиция вторила. Борисов Илья, решил выступить первый с призывом не делать подлое дело. Собрание сначало слушало и думало, что их будут призывать к погрому. Но речь Борисова Ильи призывала не делать погрома; когда рабочие это поняли, закричали: „долой". Борисову пришлось кончить. Дальше выступил Н. И. Соколов. Пока он говорил о причинах войны, его слушали, когда же он перешел к виновникам, ему закричали: „долой". За ним еще выступило несколько человек наших, но получили такую же оценку. Наши товарищи вели усиленную агитацию. Настроение охладилось, стали требовать Ольгина—главного директора завода. Он приехал и стал уговаривать не делать погромов. Был потребован список служащих для оглашения, который читал один из рабочих Белорусов. На каждой иностранной фамилии останавливались, спрашивали вероисповедание. Если лютеранин, кричали "долой" его. Таких набралось человек 50. Была выбрана комиссия, которая должна была подробно разобраться. На этом все же кончили и разошлись. Мы же часов в 5 собрались на площадке около Симонова монастыря в котловнике, где нас не было видно. На этом собрании нас было человек 30. Мы решили не допускать дальнейшую остановку завода и уговаривать рабочих не ходить в город на погромы. К нашей радости завод 29-го мая работал и все пошло спокойно, за исключением отдельных личностей, которые ходили и пользовались погромом. Можно смело сказать—черного пятна нет на заводе „Динамо", а также на всей Симоновке, благодаря нашей организации и принятым мерам с нашей стороны. Это славная страница Симоновской организации за время ее существования.

Работая в Союзе Металлистов, я хотел расширить через товарищей работающих там же, рамки нашего об'единения. Но с кем мне пришлось иметь дело, оказывались—провокаторами. Работа шла

по укреплению района. В неделю раз или два происходили совещания в Тюфелевой роще или на квартире одного из товарищей. Нужно было уже радоваться достигнутой работе и на 7 июня в том же зверинце была назначена конференция 5 районов. Собраться не пришлось, так как я из Симоновского района, а другие товарищи из других районов были в ночь на 6-го июня арестованы.

Илья Борисов.

ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО.

На завод „Динамо" я поступила в июле месяце 1915 г. В то время в заводе работали уже две подпольные группы — обе большевиков. В первую входили все москвичи, а именно: т.т. Соколов, Уханов, Алексеев, Тик и др., во вторую петроградцы — т.т. Сухобрус, Антипов, Стернер, Корзинов, Белкин, Филиппов и др. Товарищей из петроградской группы я знала по Питеру, а посему и вступила в петроградскую группу. Первое время мне было очень странно и непонятно: почему на одном и том же заводе две организации, одной и той же партии большевиков, и я на собрании группы задавала вопрос: чем об'яснить такое явление? И мне ответили, что две группы существуют потому, что московская группа умеренна в своих действиях. Наша же группа задалась целью поставить работу так, чтобы завод „Динамо" был застрельщиком во всех выступлениях рабочих, и живо бы откликался на все явления жизни и борьбы как экономической, так и политической.

Кроме того, необходимо было присмотреться нет ли в московской группе провокаторов. Такой ответ меня в то время удовлетворил и я осталась работать в питерской группе. Через 2 месяца у нас уже было общее собрание 2-х групп, где были намечены об'единения, но об этом ниже.

Когда меня привели в мастерскую, я стала знакомится с рабочими. Я почувствовала, что у динамовских рабочих еще остались следы погрома, свидетелями которого они были.

Спросили как мое имя, и когда узнали, что меня зовут Эмилия Калнен, то тут же заявили, что будут меня звать Марией.

Группа поручила мне, кроме работы союза работу среди женщин. Но работать было очень тяжело, работницы были отсталые, а я была одна.

Потом т. Антипов стал помогать мне, стали устраивать доклады. Вспоминаю один доклад т. Антипова очень удачный, после которого к нам примкнули сразу 5 женщин. Доклад был на тему: какая разница между женщиной нашего времени и первобытной. И так построил доклад, что разницы никакой не оказалось. Как та, так и другая,—говорил он,—любит себя украшать побрякушками, как та, так и другая уделяют много времени своему телу: мажутся, красятся и носят чужие волосы и поклоняются неведомым богам, выполняют нелепые обряды и т. п. и тут же указал какой женщина должна быть.

Осложнялась работа среди женщин еще и потому, что рабочие мужчины в большинстве своем считали женщину конкуренткой в работе. Укажу, как в августе месяце 1915 года был об'явлен набор, т. е. прием женщин в снарядный цех и браковочную. Мужчины заволновались и дня три под-ряд устраивали собрания, на которых выступали с предложением протестовать против приема женщин на завод по следующим мотивам: женщины нас вытесняют с завода и нам придется пойти на войну. Выступили не только массовики рабочие, но и такие, которых мы считали почти за своих, как например Комаров, которого знают товарищи динамовцы. Пришлось много поработать, как питерской группе, так и московской, чтобы удержать от ошибочного похода против женщин-работниц. После 2-х, 3-х собраний рабочие убедились, что были они неправы и стали смотреть на женщин уже не как на конкуренток. Кроме этого женщины туго шли за нами еще и потому, что заработная плата была настолько низкая (8 к. в час), что большинство женщин, особенно из браковочной мастерской, занимались побочным заработком. Этому способствовал мастер англичанин (не помню его фамилии), который увозил работниц на извозчике после работы, за что его однажды у Покровской заставы рабочие избили, так что он на другой день пришел на работу весь забинтованный.

В конце августа 1915 гола перед нашей группой встал вопрос о требовании увеличения заработной платы. Время было подходящее, заказов у завода было много, нужно было сговориться с московской группой. Устроили собрание 2-х групп, поставили вопрос о забастовке. Московская группа высказалась против. Питерская, после долгих дебатов, почти единогласно решила бастовать, об'явили забастовку в сентябре 1915 г. (число не запомнила),

выбрали стачечный Комитет, в который входили большинство из нашей группы, как напр. т. Антипов, Корзинов, Мохов, я и другие, распределили между собой цеха. Мне дали приемочную, где работало человек 45, большинство забитых нуждой, неграмотных женщин. Но несмотря на это, женщины не были штрейкбрехерами, а сорвали забастовку военно-обязанные мужчины, которым грозили фронтом, и они пошли на работу. Забастовка была сорвана, нас арестовали, продержали шесть дней. Из 105 человек часть была послана на фронт, а другую часть освободили с условием немедленного выезда из Москвы. Так как мое нелегальное положение не было обнаружено, то мне только нужно было покинуть Москву.

Из Москвы я не уехала, достала паспорт, стала Козловой и поступила на завод Гантера. В это же время приехал Попок (провокатор). Я его знала из Питера. Попок узнал, что у меня новая квартира и назначил собрание М. К. Я в день собрания заметила, что за квартирой следят, предупредила публику и сама ушла. Вечером полиция была на квартире, но никого не застала. Так как мне жить было негде, Попок предложил мне устроиться у него на квартире. Вот на этой то квартире и садилось много публики.

Квартира Попка была около Спасской заставы.

Квартира меня устраивала в том отношении, что я могла работать в Симоновке, где я работала в клубе, который впитывал в себя рабочих и работниц. 1916 года, 25 февраля мы в клубе организовали женский день. Работниц было много, читались доклады, в самый разгар пришла полиция, выпускали из клуба только тех, у кого были паспорта. Мне одна женщина принесла паспорт (фамилии не помню) и меня тоже выпустили. Как только я вышла из клуба, собрала парней и мы устроили погоню за шпиками, догнали одного и здорово побили его. В эту же ночь у нас на квартире арестовали Филиппова и Пашу-Дуню (так ее у нас звали). Скоро мы стали замечать за нашей квартирой сильную слежку, а мне буквально не давали проходу на работу. Провожали даже в баню. Пойдешь, а провожает шпик. Наши ребята решили меня проводить в Питер. Попок мне достал паспорт на имя Перебухиной. Приехала в Питер, встретила Черномазова (провокатора) и на другой день села в тюрьму.

Тем и кончилась моя деятельность на заводе „Динамо".

Калнен-Григорьева (питерск. группа).

„ДИНАМОВЦЫ".

По приезде из Питера, я начал работать на заводе с июля месяца 1915 года, мы как-то сошлись после работы, за заводом „Амо", в роще поделиться мнением и познакомиться, что из себя представляет публика, работающая вообще на заводе и поставив целью организовать кружок, продолжать начатую нами работу. В это время из Питера публика под'езжала как-то: Белкин, Эмилия Калнен, Шура Яковлев, Нейман Никандр. Колчанов и Стернер. Потом приехали Сережка Кудиншев (ныне Антипов), судившийся по делу Пятерки; одновременно с нашим кружком существовал еще кружок москвичей, из которых я знал Модельщикова, Николая Соколова, тов. Алешина (ныне покойного), Шуру Алексеева (ныне покойного) и Василия Шаплыгина.

Работа параллельно велась двумя кружками приблизительно до начала сентября. В начале августа месяца в Москве велась кампания по подготовке перевыборов правления Союза Металлистов. 12-го августа 1915 года инициативная группа динамовцев, в которую входили по подготовке этой кампании — я, М. Белкин, Алешин, Шаплыгин, Соколов — связалась с рабочими других заводов — Бромлея, Дукса, Добров-Набгольц, Унпона, Пэлка. Общее собрание для перевыборов правления было назначено через неделю в бирже. Председатель собрания был выбран с завода Унион — ликвидатор Сашка Смирнов, секретарем, кажется, большевик Яша Кожевников. Правление переизбранное было из большинства большевиков. Председателем был избран от Доброва — тов. Молоткович, секретарем Союза Сережка Соколов (ныне расстрелян, как провокатор), я, Макаров Колька, Захаров от Дукса.

Постоянными работниками в Союзе по вечерам были, в так называемом паспортном отделе — Белкин Михаил, Колчанов Володя (Доценко), Колька Макаров (кличка „министр"), я и Калнен (Григорьева), а паспорта тогда были для наших ребят страшно нужны, ибо провалов было достаточно изрядно. Это воспоминание о союзной работе. Теперь перейду к дальнейшей партийной работе, хотя таковая опять переплеталась с профессиональной.

В начале сентября месяца у нас уже было об'единенное собрание обоих кружков завода „Динамо".

За селом Кожуховым на берегу Москва-реки присутствовало приблизительно человек 40; подготовка слияния обоих кружков в один была поручена от питерских рабочих — Белкину М., а от москвичей — Н. Соколову, им же было поручено связаться с другими районами как-то: с Лефортовским, Замоскворечьем и Тверской группой, что было достигнуто к приезду Чхеидзе и Скобелева в Москву. Наш кружок был об'единен уже с 5-ю районами. В этот период у нас на заводе уже было два случая административной высылки двух токарей-лекальщиков Вани Сухобруса и Васи Белоусова. Наш кружок потребовал от директора завода Гервера приостановить высылку 2-х этих товарищей (он отвечал: „хорошо, я постараюсь и приму все меры, в виду крайней необходимости в лекальщиках"), а мы со своей стороны выбрали 5 тов. для делегирования к генералу Ваньковскому с просьбой оставить их на заводе. В делегации были Гагарин, Стернер, Макаров, я и еще один товарищ, фамилию не помню. Ваньковский обещал похлопотать через градоначальника приостановить высылку, хотя нам, конечно, их хлопоты известны, но нам было важно продлить время. Я помню личный разговор генерала с нами — „ну, говорит, и публика динамовская, у вас чуть не каждый день стачки, протесты, требования разные к администрации. Вот примерно позавчера был со мной случай — я ехал на машине, какие-то хулиганы бросили камень в машину, я хотел звонить к „Динамо", чтобы они устроили протест.—Из наших ребят заявили,—как будто Гагарин—мы не только устроили протест, но и грандиозную демонстрацию в честь победы рабочего класса и что одним типом было бы меньше на рабочей шее. Тут со стороны этого генерала — крики, топания ногами, ругательства и угроза репрессиями посыпались на нас, но мы себе преспокойно смеялись в ус на эту острую шутку и после того вышли от него, отдалив высылку ребят на две недели или вернее до начала стачки.

К 28-му сентября 1915 года приезжают в Москву Чхеидзе и Скобелев. В этот момент было натянутое положение между Думой и правительством. Скобелев делал доклад в Союзе Металлистов о положении фракции. Мы его отчитали за занятую ими в Думе колеблющуюся политику, вынесли резолюцию недоверия с требованием правительству вернуть арестованных 5 депутатов большевистской фракции.

30-го сентября 1915 года городской голова Челноков перед роспуском Государственной Думы созывает в Москве в Думе на совещание представителей городских, земских, кооперативных и профессиональных организаций.

Я помню, туда собралось одних рабочих до 150 человек и такое-же количество „шпиков". В 12 час. ночи выходит Челноков и заявляет: — „я очень извиняюсь господа, что призвал вас сюда, но время уже позднее, я хочу спать и прошу разойтись". Тогда мы ему устроили кошачий концерт и провели митинг в коридоре, вынесши протестующую резолюцию, стали расходиться. За нами пошли „шпики". Я помню, как одного „шпика" мы водили по Кожевникам и на мосту в укромном уголке дали ему трепку.

На второй день после этого на заводе „Динамо" вспыхнула стачка. Наши кружки уже были слиты в один; начинать ли стачку или нет, мы опять-таки обсуждали на берегу Москва-реки и большинством было решено стачку начать под руководством одного кружка. Стачка была начата дружно и протекала хорошо. В течение 2-х недель наш кружок регулярно собирался и фактически руководил всей стачкой. Я помню, как мы собрались в Даниловке, в ресторане „Лебедь", где ставили вопрос, продолжать ли стачку или ее кончить; было большинством решено стачку продолжать и заставить администрацию завода пойти на уступки, удовлетворив наши требования.

Во время ведения стачки штабом, у нас был клуб просвещения на Лизиных прудах, там мы устраивали рефераты, лекции и ставили кое-какие пьесы. Кружком драматическим руководил Алешин и Шаплыгин Шурка.

Мне вспоминается, как в один вечер после реферата, мы шли на квартиру с Яковлевым, Никандром и Воробцовым, за нами пошел „шпик", мы довели его до Симоновского монастыря, дали ему хорошую взбучку, так что он, убегая от нас, растерял галоши, грим, полотенце и пудру; все это мы на второй день принесли в завод и показывали своим ребятам, какие мы отбили трофеи.

Числа 16 октября администрация завода вывесила об'явление, что все военнообязанные должны явиться на работу, если таковые не явятся и не приступят к работе, то администрация завода сейчас же отсылает их списки к воинскому начальнику и они будут призваны в ряды армии. Мы тут-же собрались, созвали общее соб-

рание, заявили товарищам, что эта угроза перед последним нажимом и постановили на работу не выходить, но отдельные товарищи заколебались и 17-го числа часть стала выходить на работу. Всех вышедших на работу согнали в одну снарядную мастерскую.

В это время Антипов был уже арестован и сидел в Каменьщиках. 18 го октября начались поголовные аресты и высылки. Большинство наших ребят уже дома не ночевали, а уходили к товарищам. В первую очередь обыски были у Белкина, Макарова, у меня и Стернера. Но я не ночевал дома. В это время я был на Татарской у Дубровских ребят. Придя утром, узнаю, что произошло, иду в клуб Просвещения, там встречаю Белкина и говорю ему: — „Миша, у меня были гости". Он мне отвечает: „у меня то же самое. Пришли ко мне во время обеда и меня застали за супом, предложив мне покинуть Москву в 24 часа".

Взяли троих: Белкина, меня и Кольку Министра. Стернера они не нашли.

В ночь на этот же день, я помню, были арестованы Гагарин, два брата Шаплыгины (в настоящее время убитые на фронтах гражданской войны), Тарасова, Калнен Эмилия и др. Всего арестовано было около 40 чел. Продержали их по 6-ти дней и немедленно велели оставить пределы Москвы. После провала стачки, когда делали подсчет, то оказались высланными 125 человек и отправленными на фронт 150 человек. Вот этим и закончилась моя с товарищами работа на заводе „Динамо". Но вся разлетевшаяся братва из Москвы не сидела сложа руки, а еще усиленнее и еще более энергично повела работу в других городах, как-то: в Питере, Туле и на Урале. Я помню, когда я выехал в Тулу, взяв явку к Кольке Бригадирову, работавшему на патронном заводе. По приезде туда, я уже встретил там Гагарина. Мне пришлось устроиться на Оружейном заводе. Через несколько времени приезжает к нам Шура Шаплыгин. Ему в Туле поступить не удается, тогда мы устроили в Союзе Металлистов гор. Тулы ему паспорт, и он уехал обратно в Москву. Это было в половине декабря 1915 г. После этого меня выбрасывают с Оружейного завода без права поступления больше на императорские заводы и я отправился на Урал, зная, что там наши ребята есть. По приезде в Лысьву, встречаю там Ваську Белоусова, Гришу Федорова, Костю Беднякова и ликвидаторов Сашку Смирнова, Юшу Трубицина и Кузнецова Егора, быв. члена 3 Гос.

Думы — меньшевика, с которым там все время мы вели споры и одновременно держали связь с Москвой и Питером, так что динамовский кружок не только после поражения ослаб и распылился, но наоборот, он раскинул сеть по всем городам промышленной России, а также и по прежней царской армии, ведя энергичную работу, подтачивая корни самодержавия и подготовляя пролетарскую революцию.

Корзинов (питерск. группа).

ВОСПОМИНАНИЯ „ПИТЕРЦА".

Я работал на заводе „Динамо", приблизительно, месяца полтора. Приехал сюда в Москву потому, что было письмо — „по выходе из крепости — приезжайте в Москву". Мне дали соответствующую бумагу. По приезде в Москву на следующий же день сразу я начал работать на заводе „Динамо". У меня сложилось такое впечатление, что есть довольно большое количество работников, но что нет организации. Мне врезалась в памяти первая забастовка, когда мы вытащили всех на улицу. Забастовка была общемосковская. Это было во время приезда Чхеидзе. Мы забастовали с утра, а после обеда бастовало пол-Москвы. Тут нам удалось провести митинг под воротами. Выступали Соколов и я. После этого, дня через два у нас был большой митинг на заднем дворе. Там собрались почти все рабочие и, я помню, мы хотели провести собрание на тему относительно войны. Не помню, кто выступал— человека два. Говорить не давали. Мне удалось говорить. В тот же день, когда мы ушли, определенная часть рабочих пошла к директору. Я их назвал провокаторами. Поднялся шум. Одна треть ушла демонстративно. Теперь я руководил этой группой.

Нужно еще отметить внутреннюю работу нашей организации, а именно борьбу за экономическое улучшение положения рабочих на нашем заводе. Нужно сказать, что с приездом питерской группы этот вопрос быстро подвинулся. Я помню, в инструментальной мастерской мы в течение 2-х недель выгнали двух мастеров. Помню один мастер был довольно солидный, называли его „Трубка". Мы его вышибли довольно быстро. Помню, что ходили на переговоры с директором. Потом нам дали какого-то техника, который проводил такую же политику или хуже. Мы решили его тоже выставить.

Тогда пришел директор завода и сказал: „я знаю, у вас здесь два смутьяна"—и указал на меня. Я собрал голоса — кто за этого мастера и кто против. Оказалось, что большинство против. Мы подняли расценки и хорошо зарабатывали—до 10 р. в день, но другие цехи зарабатывали очень плохо. У нас в мастерской из 90 человек рабочих, человек 40 были из нашей публики или члены организации.

Теперь относительно клуба. Не помню — он был организован одной группой или совместно, но это дало колоссальные результаты. В клубе было много молодежи, к которой многие товарищи относились вначале скептически, но мне кажется, что из этого клуба вышло большое количество работников. Когда я потом вернулся в Москву, они вели самостоятельную работу. Я помню, что приблизительно по тем подсчетам, которые мы тогда делали, у нас было около 100 человек нашей публики на заводе, которых всегда можно было выставить, как организованную силу, при чем часть была в организации, а часть сочувствующих.

Я хотел остановиться на той роли, которую динамовская организация играла, и на том влиянии, какое эта организация оказывала на другие организации. Роль эта была колоссальная. Такую же роль играл в Питере Лесснеровский завод.

Завод „Динамо" действительно играл руководящую роль. Помню, когда была устроена забастовка протеста (не помню по какому поводу) то, когда мы забастовали утром, с обеда начали бастовать другие заводы, заявив, что „Динамо" бастует и нам надо бастовать. Таким образом, на „Динамо" смотрели как на руководящую организацию и я помню, что Соколов и после него Белкин входили в МК, при чем мы все таки неясно себе представляли, что из себя представляет МК и был поднят вопрос, чтобы создать комитет из представителей групп и сорвать интеллигентскую верхушку. Тогда началась сильная кампания. Помню, было собрание в лесу, где был поставлен этот вопрос. Выбрали 2-х товарищей, которым было поручено вести эту работу. Это было недели за две до забастовки.

Говорили о том, чтобы создать настоящую рабочую организацию, потому что против МК было много разговоров, что он никакого значения для Москвы не имеет. Наша публика динамовская работала во всех организациях. Я помню, когда был с'езд

представителей союзов городов и земств, мы тогда решили устроить кошачий концерт. Публика от всех заводов стала собирать делегацию и вели переговоры с МК, чтобы все заводы выбрали делегатов и пошли в городскую Думу. Я помню, что много нашей публики сошлось, но в зал нас не пустили. В корридоре мы устроили митинг, но увидав, что на митинге половина рабочих, а половина из охранки, мы решили, что митинг надо прекратить и там, уже не помню, кто-то под нашу диктовку написал резолюцию и мы приняли эту резолюцию и начали расходиться По дороге часть динамовской публики была арестована. Всех шпики проводили, а двух-трех динамовских арестовали.

Руководящая роль на этом собрании принадлежала динамовской организации. Потом я помню, меня выбрали делегатом больничной кассы и ввели в какое-то общество, кажется, торгово-промышленных служащих. Сюда притащили Розенгольца, притащили меня на это собрание. Говорили, что они связаны с МК и отчасти являются как-будто МК, что эта группа слаба, что ее надо подпереть рабочими с завода. И вот меня выбрали в качестве подпорки, но оказалось, что шпики кругом, и я заявил, что я больше не пойду. У металлистов наша публика точно также принимала участие. И действительно на „Динамо“ смотрели, как на руководящую организацию.

Теперь о подготовке кампании военно-промышленных комитетов.

Я ездил в промежуток времени, когда я здесь работал, в петербургский комитет для проведения кампании питерских военно-промышленных комитетов. Там нам удалось провалить кампанию. В центре стоял Соколов. Он об'единил всю эту работу. Ему поручили устраивать целый ряд собраний. Настроение у нас было таково, что мы здесь провалим лучше, чем в Петрограде, что мы здесь получим больше голосов. Здесь мы надеялись получить минимум 2/3 голосов. Но перед этой кампанией как раз начались аресты. Был арестован я, а через несколько дней было арестовано человек 50 от „Динамо“ и по всей Москве.

Н. Антипов (питерская группа).

Группа активных работников—большевиков (1914—1923 г.).

Сидят (слева направо): Тарасов, Уханов, Антипов, Калнен, Корзинов, Доценко.
Стоят (слева направо): Жуков, Вежис, Деуленков, Соколов, Барканов А. Васильева, Максимов, Миронов, Петров, Борисов Н.

1917

„ФЕВРАЛЬ“ и „ОКТЯБРЬ“ на ДИНАМО.

До февральской революции здесь в Симоновке еще в 16-м году был организован кружок под названием „Просвещение“. В 16 и 17-м г.г. в моей памяти сохранились воспоминания о борьбе на почве продовольственного кризиса, который использовывался партийными силами. Со стороны партийных организаций как-будто бы было трудно заметить, что они работали единым фронтом в направлении организации и расширения потребительских обществ. Заводская же администрация прибегала к тому даже, чтобы в заводах организовывать лавки и этим самым привязать рабочих. На этой почве организации и расширения потребительских обществ борьба, увеличилась. За несколько недель или месяцев уже на заводе „Динамо“ собирались общие собрания. Выступали партийные товарищи, которые открыто призывали к борьбе,—т.т. Уханов, Будкин, Попок (впоследствии провокатор), Окороков. Настроение рабочих было очень революционное, и в дни февральской революции Симоновский район был очень организован, в особенности завод „Динамо“. Накануне февраля на вечерние технические курсы при заводе „Динамо“, где обучалась молодежь, приехал т. Уханов и сказал: „Товарищи, в Петрограде восстание, есть сведения о свержении царя“. Занятия кончились. На другой день по сигналу уже выступили с завода „Динамо“ все рабочие и в короткое время собрались около ворот. Полиция и жандармерия, находившаяся в заводе, оказалась неподготовленной, но предприняла меры, чтобы не дать выйти такой организованной толпой, которая уже стояла у ворот. Намерение полиции было не дать остановить завод „Бари“, который еще несколько минут колебался, и масса, которая успела только отойти от ворот „Динамо“ и пройти до завода „Бари“, уже приступила к разоружению полиции, так что было забрано несколько револьверов у городовых. Это показывало, что борьба началась. Между тем, рабочие не знали, что делается в центре, не знали даже сво-

его маршрута. К рабочим завода „Динамо“ присоединились рабочие завода „Бари“ и организованной массой последовали до Городской Думы. На другой день рабочим пришлось услышать свист пуль. Также на другой день было собрание. Все рабочие явились на свои места и последовали организованной массой со знаменами. Не доходя до Таганки нас ожидал отряд переодетых городовых. Когда их увидели, товарищи крепче сжали руки, как будто бы было психологическое предчувствие, что предстоит столкнуться. Спустя несколько минут по сигналу рожка был дан залп. Этим залпом был убит т. Астахов (с завода „Динамо“), с которым я шел в одном ряду.

Так как рабочие были невооружены, этот неожиданный залп расстроил ряды, и у всех было стремление прорваться в центр, но здесь нельзя было пройти через Таганку. Тогда стали идти обходным путем, и вся та масса, которая была расстроена в течение часа, снова сгруппировалась у Яузского моста. У Яузского моста стояла цепь под командой двух околодочных и несколько городовых, которые принимали меры, чтобы не пропускать район в центр. В центре была засада. Около получаса мы стояли и не могли предпринять тех или других мер и идти открыто невооруженными. Тогда сгруппировались более решительные товарищи, которые налетом подбежали к стоящему околодочному, схватили его и бросили в Яузу. Ряды противника расстроились, и весь район проник в город.

Дальше я могу перейти к жизни и деятельности завода. Конечно, тогда жизнь завода была очень политически оживленной. Завод не работал дня три. Когда вновь вернулись к станкам, масса была занята вопросами чисто организационными, как-то: организацией заводского комитета, выделением товарищей в Совет. Появились товарищи в качестве руководителей, которые работали и руководили массой. Некоторые товарищи выбыли в Московский Совет (т.т. Уханов, Соколов, Будкин и Попок) Резко проявилась партийная работа и каждый рабочий беспартийный знал, что есть течения нескольких партий. В то время на заводе „Динамо“ были меньшевики, с.-р. и большевики. Я в то время был беспартийными и, как сейчас вспоминаю, на меня была атака. Стою у станка, подходит меньшевик и старается узнать мои убеждения, говорит об с.-р. и большевиках. С первых дней было большое влияние большевиков. Имело

некоторое влияние течение с.-р. Меньшевизм не чувствовался в беспартийной массе. Особенно ожесточенная борьба велась между течениями с.-р. и большевистским. Это выразилось в июльские дни. Почву и влияние с.-р. стали терять здесь на заводе с июльских дней, и за несколько дней до октябрьской революции один из с.-р. своими собственными руками расшивал знамя, которое было повешено на трубу завода „вся власть Советам". Насколько я помню, на наших собраниях большевики получили большинство.

Что касается октябрьской революции, то за короткое время до октябрьской революции партийные силы увеличились и уже представляли из себя крупно спаянную организацию. Довольно хорошо была налажена связь и об'единение с ячейками других заводов. Шла усиленная подготовка среди партий к октябрьской революции. Заранее обсуждались планы борьбы. Характерно отметить, что на собрании за два дня до начала восстания, некоторым товарищам из членов партии задавался такой вопрос: как бороться, раз мы не имеем оружия? Но они убеждали, что борьба должна вестись ожесточенная, и был такой момент, что партийное собрание нашло нужным для поднятия боевого настроения произвести подготовку вооружения. Масса была подготовлена также к тому, чтобы выступить активно в Симоновском районе. Первые дни, когда остановился завод „Динамо", нужно подчеркнуть, что еще большинство рабочих не знали, что им предстоит и как обстоит дело в Москве. Как только остановился завод „Динамо", был поставлен вопрос об организации рабочих дружин.

Были выдвинуты товарищи, которые должны были организовать эти дружины, построить их на сотни, на десятки, и через несколько часов все рабочие были разбиты на десятки и на сотни. Вечером в нашем районе появились автомобили с юнкерами, вооруженных пулеметами. Мы оказались к этому моменту неподготовленными и сопротивления не могли оказать только потому, что у нас не было оружия. Имелось только 12 винтовок, которые не были исправными. Юнкерам удалось проехать на завод „Амо", заехать на заводы „Динамо" и „Бари". Здесь они как будто оставались некоторое время. Также остановились у складов Крутицких казарм, где ими было пополнено вооружение. У меня в памяти сохранилось, что эти автомобили в Таганке не оставались, и там

в них с нашей стороны стреляли и как будто-бы мы имели успех. Появление в Симоновке юнкеров сплотило массы. Накануне восстания передовики собрались и узнали, что выделяется военно-революционный комитет, который будет руководить борьбой, узнали тех товарищей, которых выделили. Симоновский район выделил 25 чел., которые были направлены в военно-революционный комитет Москвы. Положение Симоновского района было тяжелым в том смысле, что им как раз были выделены в охрану района и по распределению вооружения рабочие дружины. При организации их мы учитывали, что противник будет на нас нажимать, на Пороховые склады, которые служили для нас базой, и задачей являлось охранить их и защитить, но оружия у нас не было. Патронов мы имели целый склад. На другой день,—не помню с какого вокзала,—мы с большими затруднениями получили винтовки. Это подняло настроение рабочих и у нас сразу создалась армия. Рабочие себя проявляли очень устойчиво. Были случаи, когда некоторые отряды бессменно находились по 16 и даже по 24 часа на баррикадах, не взирая на холодное время в то время, когда одежда рабочих была ветхая. Ожесточенные схватки были на Варварской площади, затем при взятии Крутицких казарм. Особенных сил там у противника не было, но так как мы не могли получить тех или других подкреплений, то приходилось их брать осторожно и, благодаря, только удачной разведке, не было потеряно много времени, и Крутицкие казармы были заняты. Пороховые склады мы удержали за собой, и это имело большое значение не только для нашего района, но и для других районов. Связь с Московским военно-революционным комитетом поддерживалась, хотя поддерживать ее было для нас трудно. Я помню тов. Азарх, женщину,—она под знаком красного креста могла всюду проникать, и благодаря ей поддерживалась связь, которая имела громадное значение для нашего ударного района.

Толкачев.

МЕЖДУ ФЕВРАЛЕМ И ОКТЯБРЕМ.

Это было в 17-м году в феврале месяце, когда произошел кризис министерства. Обстояло дело так: в феврале мес. была проведена нами стачка с вызовом циндельских рабочих. Это было во время маслянницы. Попок и Уханов шли вместе с нами. Пришли к Цинделю, здесь встретились нам конные городовые и два пристава.—Под'ехали еще человек 15 конных городовых. Рабочие все рассеялись. После этого, когда вернулись, тут стал вопрос: как быть дальше? Атмосфера создалась ужасная. Здесь был Уханов, Попок, Васильева. В это врємя происходили перевыборы в больничные кассы. Уже в феврале мес. мы совещались. Положение создалось такое, что мы толковали в частной беседе, не случилось ли опять то, что было, т.-е. германские погромы. Затем обсуждались вопросы, нужно ли выходить на улицу или не нужно. Через несколько дней—дня за два до 28-го февраля—мне неожиданно Уханов сообщает, что приехали товарищи из Питера, что в Питере сильное сотрясение идет и ожидают крупных столкновений. Здесь мы подготовились, но просто не учитывали положения. Через день получается сообщение, что в Питере восстание. Когда о том узнали на заводе, немедленно у нас в аппаратной мастерской было собрание, в котором выступал Уханов. Как раз здесь попутно обсуждались экономические вопросы о том, что в Симоновском районе на почве тяжелого экономического положения было созвано какое-то совещание фабрикантов и заводчиков и продовольственного комитета. Цены стали повышаться, но они давали поддержку, снабжали хлебом завод и т. д. Тогда Уханов выступал не по политическим вопросам, а только по экономическим. Говорил, что цены на хлеб очень растут и т. д. Уже нам говорили, что в Петрограде то же происходит. На второй день сообщают из Питера, что Питер уже восстал. На первом собрании, когда узнали, что Питер восстал, на первом заводском собрании Попок выступил с энергичной агитацией. Затем выступал Будкин и другие. После речей вышли на улицу. Тут начали ломиться рабочие с завода „Бари“, выломали ворота и соединились с нами вместе. Подошли рабочие с „Амо“ и, выбросив красный флаг без надписи, пошли к Таганке. На углу увидели против себя шеренгу солдат. С правого фланга стоял

околодочный. Шинели были надеты солдатские, но командовал околодочный –у него был какой то сигнал в виде рожка. Значит, нас встретили городовые. Околодочный заиграл в рожок—раз, два, три. Дали залп. Все повалились на мостовую. Кто полез через забор. Потом разбежались. Видели, один рабочий был убит. После этого мы уже пошли на Красную площадь, частью по одиночке, потому что все разбрелись. На следующий день пошли прямо к Думе. Был выброшен флаг—долой войну. Сразу около входа в Думу получилось смятение из за этого флага. Кто говорит: провокация и т. д. Этот флаг уничтожили и тут же пошла делегация. После этого создался комитет. Я не участвовал в этом комитете, но от нашего района в комитет попали, кажется, Попок и Уханов. Этот комитет разрабатывал вопрос, как создать советы по всей Москве. И вот на утро в завод приезжают Попок, Уханов и Будкин.

Уханов сделал доклад, что было в Думе, и мы наметили на второй день выборы в Совет. Выбрали Уханова, Попка и Будкина. На заводе пробыли часов до 11-ти, вызвали сюда кого-то из дирекции. Дирекция дала автомобиль. Нашу делегацию повезли в Совет (официальных членов Совета от нашего завода), а мы направились уже брать полицейские участки, где мы искали оружия. Нашли шашки и т. д. После взятия полиц. участка—на третий день было опять собрание на заводе. Обсуждался вопрос о том, что нужна охрана на заводе (городовых сняли). Некоторые товарищи добровольно пошли охранять. У кого оказалась берданка, у кого шашка. В комиссариате был комитет. Там было совещание. Были представители со всех заводов по 2 человека. Сорганизовали представительство от заводов в виде управ или дум. Туда входил директор завода „Амо“ Строгонов, я, Анчаров, Уханов. Мы приступили к работам, выделили охрану. Пред нами стал вопрос, где взять деньги? Я помню директор завода „Амо“ заявил, что на это дело (для восстановления порядка) можно дать деньги. Из этих денег мы часть отдали на семьи убитых товарищей, а остальные деньги были на всякий случай. У нас в районе работали Николай Макаров, Рудаков, Алексеев Шура и много наших товарищей. Рудаков вел об'единенческую линию здесь в районе. У нас этот вопрос раза 3—4 дебатировался, и он все время ставил его К этому времени пришел, кажется, Гончаров, и мы окончательно с об'единенчеством порвали, и в нашем районе не было ни одного об'-

единенца, кроме Рудякова, но и он с этого времени ушел от нас, потому что тут ему делать было нечего.

Недели через 2 или 3 уже начал функционировать Московский Совет. Я помню, мы обсуждали вопрос, как наладить аппараты, и вот в нашем Симоновском подрайоне организовали Совет, и в этот Совет прошло большинство с.-р. В Районном Совете было, кажется, человек 50. Завод не работал. Все собирались группами и рассуждали. В особенности, когда пошел вопрос о 8-ми час. рабочем дне в Московском Совете. Его намеревались раза два поставить, да все откладывали. Уже тогда рабочие стали чувствовать и стали отходить от с.-р. Стали требовать 8-ми часового рабочего дня. Вот тут рабочие стали примыкать туда, где выявляют лозунги только рабочих. Когда стал вопрос о 8-ми час. рабочем дне, у нас было собрание, и конечно единогласно было постановлено требовать от Московского Совета проведения 8-ми час. рабочего дня в жизнь.

Что касается заводского комитета, то я не помню, как он сорганизовался, но помню, что я был в заводском комитете. Одно время у нас там было такое положение: председательствовал, кажется, Соколов, после этого председательствовал в комитете с.-р. Невский, потом его замещал Коваленко (с.-р.). Произошли перевыборы. Невский попал в комитет, но не попал в президиум комитета, потому что там было большинство ребят, принадлежавших к нашей партии, и Н. И. Соколов стал председателем. Он был недели полторы или две. Я его замещал. После 8-ми часового рабочего дня обсуждался вопрос о вотировании займа у нас в партии. Но тут созвали на второе заседание не только членов нашей партии, но и все завкомы и также членов Совета, и был поставлен вопрос, кто за заем, кто против него, Голосование дало за заем половину и против займа половину голосов. На собраниях нашего подрайона и завкомов тут уже определенно создалось положение на фабриках и заводах в нашу пользу, и вот после, когда был первый кризис министерства, рабочие стали требовать смены правительства и стали организовывать красную гвардию.

Когда Симоновский Совет стал формировать красную гвардию у него было 5—6 винтовок в комиссариате. Члены партии обязаны были обучаться при комиссариате. Потом последовали другие кризисы министерства. Наступили июльские дни. Все отправились в Дом Советов. Я помню, потрепали нас на Театральной площади.

попало нам на Лубянке. Нас здесь догнали, отобрали знамена. Я помню, как мы с Шлихтером попали в Мясницкий комиссариат и там провели всю ночь. Шлихтера я тогда еще не знал. Там в комиссариате какой то юрист перепугался его и выпустил нас с ним. Тут же в окончательной форме переломилось все настроение. После этого был еще перелом после государственного совещания. Это у нас на заводе окончательно возмутило всех рабочих. Настроение окончательно переломилось, так что если бы было оружие, можно было бы рабочих выводить за ворота и требовать что нужно. Но этого требовать было нельзя, потому что был опыт июльских дней, а это было в августе после совещания.

Дело шло к октябрьским дням. Конечно, все готовились. Рабочие должны были выйти на улицу и требовать смены правительства и „всю власть советам". Потому что лозунг „вся власть советам" стал необходимым делом, и каждый рабочий в этом был убежден. Те советы, которые имели меньшевистское направление, должны были уйти, ибо уже шли выборы на заводе, и каждый день приток нашей фракции в Совет увеличивался. Я помню, что фракция у нас в Московском Совете имела человек 40, потом через несколько дней стало 90, 100 и т. д. Это росло очень быстро, и стали производиться перерывы на всех заводах, потому что настроение переломилось во всей Москве.

Между прочим, что касается выборов в Городские Думы, то у нас в районе колоссальный процент голосов получила фракция большевиков.

Когда мы говорили на фракции у себя, как составить думы, у нас был список лиц человек 35 кандидатов. Я был тоже кандидатом. После этого председателем Думы назначили Томского. Заместителем председателя был Гончаров; Уханов был председателем Управы. Так была распределена работа. Самый острый период был перед октябрьской революцией, когда Думы собрались в Сергиевском Народном Доме, у Сухаревки, и когда был пред'явлен ультиматум о разгоне.

С этого момента у нас в красной гвардии до некоторой степени рабочие были подготовлены, и когда только получилось сообщение о том, что предложено распустить управы, перед нами стал вопрос: как быть дальше? Немедленно организовался Ревком. В него вошли Алешин, Гончаров. Я был в связи с Московским Сове-

том. Помню, как мы ехали с Вимба по кольцевой „А“ в Московский Совет. Московский Совет в это время был окружен со всех сторон Я увидел здесь Смидовича в час ночи. Я не мог его узнать. Волосы у него были вз'ерошены. Потом я увидел т. Ломова. Мы здесь пробыли приблизительно сутки с Вимба. Были перестрелки. Произошла тревога. Ломов и Смидович руководили работой в Московском Совете. Потом мы приехали сюда во время перемирия. Перемирие было, кажется, на второй день. Помню, как арестовали на Арбате юнкеров.

И вот поехали брать Крутицкие казармы. Когда мы поехали из Московского Совета, пороховые погреба были уже взяты, патронов у нас было достаточно.

На второй день Горшков привез еще.

Мы получили наряд на два автомобиля и отправились в центр. Я лично оставался в комиссариате.

Максимов.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАВОДА „ДИНАМО“.

Я имею к заводу только случайное отношение и могу осветить только экономическое положение завода за это время.

В то время одной из форм давления капиталистов на рабочее движение была попытка устроить локауты, закрывать предприятия и выбрасывать рабочих на улицу. По счастью экономические организации, созданные еще царским правительством, с начала революции, т. е. с марта месяца оказались в руках Московского Совета и, таким образом, через московские экономические организации постоянно оказывали препятствие закрытию отдельных предприятий. Что касается завода „Динамо“, то дважды, если не больше, были попытки, хотя бы частично, его закрыть

Первая такая попытка была до того, как я начал здесь работать, под видом невыплаты денег главным артиллерийским управлением по заказам, которые здесь на заводе производились. Тогда, кажется, завком совместно с директорами поехал в Питер, и деньги эти получили.

Для того, чтобы постоянно следить за жизнью завода, московское заводское совещание назначило сюда своего представителя Гришечко.

Затем здесь был постоянный представитель морского ведомства Лобач-Жученко, Гришечко почти на заводе не показывался, а Лобач-Жученко, хотя бывал очень часто, но этот старый чиновник боялся подходить к рабочим, и они к нему не обращались ни за чем, а постоянно ездили в заводское совещание и требовали постоянного своего представителя. Я был представителем Московского Совета в заводском совещании и хотя уже в то время занят был делами двух крупных заводов—Колчугина и Московского Капсюльного, но на меня взвалили еще и завод „Динамо". И вот по этим конфликтам экономического характера и по вопросам, связанным с дальнейшим существованием завода, мне приходилось сюда наезжать часто в самые острые моменты экономической борьбы.

Когда встал вопрос о закрытии снарядного завода, на котором тогда работало около 1500 чел., т. е. добрая половина завода, я вместе с дирекцией, т. е. вместе с завкомом и с этим самым Лобачем обошел завод, увидел, что работа идет успешно. После этого пришлось ездить в Питер, походить по безконечным канцеляриям главного артиллерийского управления, главного правления т-ва „Динамо" в Питере, и этот вопрос удалось урегулировать. При мне снарядный завод закрыт не был. Позже он систематически был ликвидирован.

Что касается личных воспоминаний о том, что здесь на заводе происходило, могу сказать, что я бывал на заводе только наездами. Надо сказать, что весь завод кипел котлом.

Система обсуждения экономических вопросов была такая: собирались в кабинете директоров. Директора тогда были Шредер и Фридман. Значит, с одной стороны дирекция, с другой стороны—заводский комитет и в качестве посреднической связи я и Лобач-Жученко. Все эти вопросы тщательно обсуждались и иногда обсуждение принимало довольно острый характер, а дирекция смотрела на меня, как на человека, который обязан все конфликты с рабочими улаживать. Жаловались постоянно на то, что завод является самым безпокойным, и работать становится трудно. Жаловались, что завком прибирает власть к рукам настолько, что работать будет невозможно. Действительно, завком отобрал даже автомобиль у дирекции. Второй директор, итальянец Шредер, вел непримиримую политику по отношению к рабочим. Ему никак не хотелось упустить влияние своей власти на ход дела. Фридман был

уступчивее. Плыл, так сказать, по течению. В самый острый момент, когда готовилось закрытие снарядного завода, Шредер настаивал, чтобы завод был закрыт.

Настроение рабочих было чрезвычайно возбужденное. По этому вопросу мы заседали как-то с 2-х часов дня и досидели до позднего вечера. Обсуждение было очень бурное.

Это было 7 сентября старого стиля. Мы уже стали приближаться к решению, как будто, этого вопроса, как вдруг раздается звон битого стекла и выстрел.

Испугались страшно, подползли под стол. Первым пополз под стол „боевой" моряк Лобач, и его потом трудно было вытащить из под стола. Оказывается, что кто-то со двора подставил лестницу, влез по этой лестнице и выстрелил через закрытое окно во второй этаж, целясь, очевидно, в Шредера, но пуля попала в плечо т. Заварову. Замешательство продолжалось до тех пор, пока Заваров не сказал—„я, кажется, ранен". Тогда бросились к нему и отправили его в больницу, и очень смущенные все расходились. После этого Шредер пробыл здесь только 2—3 дня, а затем через Петроград отправился обратно в Италию.

Очевидно, это выступление, хотя оно в жизни завода никакого значения не имело, в данный момент подействовало устрашающе на директоров заводов не только здесь, но и в Петрограде, и после этого никаких попыток обострить отношения с рабочими не было. Розыски тех, которые стреляли, не дали результатов. Стрелявшего и след простыл, но т. Уханов, с которым я потом встречался, мне разсказывал, что стрелял кто-то из рабочих с.-р., и что в то время знали, кто стрелял, но, понятно, секрет держали строго и этого стрелявшего не нашли.

Гальперштейн.

Собрание рабочих и служащих завода „Дизелло" 7/XI 22 г.
в день 5-ти летия Октябрьской революции

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ ПИСЬМА тов. СТУДИТОВА (ПАРФЕНОВА) к тов. УХАНОВУ.

Дорогой товарищ!

Пишу эти строки письма, стараясь быть хладнокровным и спокойным, но при одном воспоминании о бывших работах в этом революционном котле (заводе „Динамо"), а также при воспоминаниях об отдельных славных героях-революционерах, как они бывало в грязных блузах, внимательно прислушиваясь к жизни рабочего, организованные в дружную группу — обсуждали какой-либо из политических вопросов на очередных партийных массовых и общих заводских рабочих собраниях,—вспоминая все эти картины жизни рабочего, с которой имею так много близкого и родного, при всем желании не могу быть хладнокровным, а весь охвачен энтузиазмом революционной рабочей жизни и борьбы с угнетающим капиталом.

Отдельные штрихи революционной рабочей жизни остались свежим отпечатком в моей памяти. Некоторые приведу здесь для того, чтобы мне, рабочему, оторванному волею пролетарской революции от своей дорогой семьи, выразить свою солидарность.

Московские черносотенные погромы, которые охватили всю Москву, вид ее в то время представлял дикое состояние, пьянство, пожары и хулиганские демонстрации. И в эти дни разгула черной сотни динамовские рабочие, под руководством своих передовых товарищей, дали правильную оценку этим событиям и остались на высоте своего классового понятия. Они не поддались черносотенной провокации. Да, вот еще вспоминаю то, что связано с этим, это пострадали тов. Аборин и др. Какие были приложены усилия в восстановлении культурно-просветительной работы? Первоначально, не имея средств, ютились небольшой группой в маленькой комнатке; этого было недостаточно, собрали средства, сняли большое помещение (вот уже забыл, какая это улица), и начался большой приток рабочих. В этой работе достаточно использовали партийную работу.

1915 год. В июле месяце на массовках обсуждался вопрос—

„наше отношение к войне и безработице". Был докладчиком Белкин. В этом небольшем кружке воспоминаю т, т. Антипова, Сухобруса, Макарова, Шаплыгиных двое, Алешин, Стернер, Калнен и др., как мы, таясь, пробирались к назначенному месту, проходя под руководством установленных паролей и пикетов, для того чтобы обсудить этот вопрос.

В том же году в Москве на с'езде „Союза Городов", на который прибыли бывшие члены Государственной Думы Чхеидзе и Керенский, стоял вопрос о безработице. Правление Профессионального Союза было извещено на предмет посылки своих делегатов. К открытию с'езда нас набралось внушительное количество: тов. Белкин, Сухобрус, Гагарин (Маньковский), Потапов, Шаплыгин, Стернер, Алексеев (Шурка), Макаров (Коля) и др., также были и от других заводов.

Перед открытием с'езда Московский Городской голова Челноков запретил вход представителям рабочих и не допустил Чхеидзе и Керенского. Очень дружно идем мы все в конец корридора помещения Московской Городской Думы, выступает т. Белкин и предлагает обсудить вопрос—„наше отношение к с'езду", после чего вынесли резолюцией своей отношение в форме протеста и вызвав трудовика Дзюбинского, как участника с'езда, поручили ему внеочередно зачитать наше отношение. После окончания с'езда всю ночь приходилось некоторым товарищам бегать от шпиков и охранников.

На следующий день, в понедельник, после общего собрания во дворе завода назначили явки в Симоновском клубе (вот уже забыл, как он у нас назывался), откуда мы пошли уже вечером на собрание в больничную кассу, где должен был быть доклад Чхеидзе по вопросу: „наше отношение к кампании Военно-Промышленного Комитета"; понятное дело, обставились пикетами, собралось около 20 товарищей, прибыл Чхеидзе, но не докончил свой доклад, т. к. тов. Карзинов, стоя на пикете, предложил разойтись. Только мы успели разойтись, тут как тут жандармерия и вся сволочь.

Будучи уполномоченным в правлении Союза Металлистов от Симоновского района (жалею, что не помню какое это было число), в том же году, в сентябре мес., на одном из заседаний совместно с правлением, под председательством тов. Алешина, обсуждался вопрос о партийной работе среди рабочих, после чего тов. Стернер сделал предложение пробы сил, т.-е. в течение ночи известить все завод-

ские ячейки об однодневной всеобщей московской стачке (не помню, какой это был протест). На заводе „Динамо“ в указанные часы все как один, рабочие кончают работу, собирается заводской митинг, после чего с пением „Марсельезы“ и „Смело, товарищи, в ногу“ вышли организованно, дошли до площади и разошлись. Эта демонстрация Симоновских рабочих была пароль для всей рабочей Москвы, и в результате мы могли учесть свои силы и плоды работ.

Вся Москва замерла. Жандармерия рассеянно бродила от одного завода к другому со встречей кирпичами и камнями. Этот день показал силу пролетариата и в то же время дал возможность плотнее солидаризоваться с угнетенными в своей борьбе. Трамвайные рабочие, не приступая к работе, после этого дня об'явили экономическую стачку.

В сентябре месяце началась подготовка к стачке, и в непродолжительное время стачка была об'явлена. Как и обычно, явилась жандармерия, но это не устрашило, наоборот, полетели кирпичи и камни в их головы.

Не доведя до конца стачку, я был арестован совместно с другими товарищами. Через малый промежуток были высланы в разные районы.

Да, большая история нашей рабочей жизни, с трудом поддается описанию.

Бывший рабочий завода „Динамо“
токарь инструментального цеха Парфенов
(Студитов).

г. Тюмень.

ПОГИБШИЕ В БОРЬБЕ.

Под этим заголовком мы посвящаем скорбные страницы тем кто свою жизнь положил за рабочее дело.

Ненавидимые буржуазией, любимые рабочим классом, они—пролетарии—находились на самых ударных постах революции, падали бездыханными с красным знаменем в руках, погибали на фронтах, расстреливались белогвардейцами, зарубливались бандитами, умирали от чахотки и тифа, погибали на субботниках.

Всмотритесь в их биографии, в их жизнь; вдумайтесь в моменты их смерти и перед вами откроется величественная, потрясающая

картина борьбы рабочих против капиталистического рабства, с ее неизбежно-кровавыми штрихами.

Неоспоримо, что путь к светлому будущему человечества, путь к коммунизму, прокладывается через трупы беззаветно преданных революции рабочих, через трупы лучших товарищей.

Тем ценнее их жертвы, тем прекраснее и дороже становится для нас их облик, тем ненавистнее нам враги и душители рабочего дела.

Перед дорогими могилами крепче стиснем зубы, сильнее сожмем кулаки и также самоотверженно и настойчиво, как они—погибшие в борьбе—будем бороться и итти вперед к торжеству коммунистического общества

* * *

1. **Аборин**, Федор Тихонович—слесарь—родился в 1893 году. Работая на заводе „Динамо", т. Аборин, 20 летним юношей вступает в подпольную организацию Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), где выдвигается, как способный организатор, входя с декабря 1914 г. в Московское общество металлистов „Единение". С марта 1915 г. избирается секретарем названного общества, и в том же месяце последовал приказ охранного отделения об его аресте.

Но т. Аборин своевременно скрывается и не перестает работать в партийной организации завода. В это же время он посылается на обще-городскую конференцию партии. В июне 1915 г. т. Аборин арестовывается и после 5-месячного тюремного заключения и 7 дневной голодовки направляется в ссылку на 2 года.

Ввиду последовавшего приказа министерства внутренних дел о взятии на военную службу некоторых категорий ссыльных, он в августе 1916 г. был взят в царскую армию, где все время находился под надзором.

Находясь в 187 пехотном запасном полку, т. Аборин и в дни февральской революции избирается членом полкового комитета, откуда был выбран членом бригадного с'езда 8 пехотной запасной бригады Московского округа.

В апреле 1917 г. он откомандировывается, как специалист, во 2 запасную автомобильную роту в 5 мастерские, где организует большевистскую ячейку. От ячейки т. Аборин делегируется в военную организацию при Московском комитете большевиков.

После октябрьской революции т. Аборин проходит от названных мастерских в Совет рабочих депутатов Сущевско-Марьинского района и с ноября 17 г. становится председателем Райсовета и членом Райкома (б.). В апреле 1918 г. в третьи перевыборы совета снова избирается его председателем, но вскоре, при упразднении районных дум, занимает должность заведующего продовольственным отделом района, работая вплоть до призыва в ряды Красной Армии, летом 1918. В Красной Армии т. Аборин назначается комиссаром одного из полков и все время находится на Восточном фронте. Сражаясь против Колчака, т. Аборин в мае 1919 г., при взятии города Новоузенска, погибает, зарубленный белогвардейской шашкой.

2. **Алексеев**, Александр Акимович—слесарь—поступил на завод 13 летним мальчиком для посылок. С 15 лет перешел учеником-слесарем в инструментальную мастерскую, а затем стал слесарем той же мастерской. В 1913 г. т. Алексеев вступает в социал-демократическую группу (большевиков), активно участвуя в работах этой группы и во всех выступлениях 1913—1915 г.г. В октябре 1915 г., во время забастовки, т. Алексеева забирают в царскую армию за активное участие в проведении стачки и за агитацию против войны. Из армии т. Алексеев бежал, нелегально пробрался в Питер, где поступил на завод. Везде и всюду, где бы он ни находился, т. Алексеев проводил идеи большевиков и все время принужден был вести бродячий образ жизни. После февральской революции он вернулся в Москву, поступив снова на завод „Динамо". Тов. Алексеев смог проработать только 2—3 месяца, как заболел чахоткой, полученной им за время скитаний и скрываний. Болезнь развивалась, и в ноябре 1917 г. т. Алексеев умер.

3. **Алешин**, Андрей Алексеевич—модельщик—молодой по своим годам, состоял в партии с 1914 г. Поступив на завод в 1915 г., т. Алешин принимает участие в подпольной работе, которая велась на заводе двумя кружками: питерцев и москвичей. На берегу Москвы-реки, при деревне Кожухово, состоялось первое об'единенное собрание кружков, на котором был выработан план для дальнейшей пропагандистской работы. Тов. Алешин, присутствовал на этом собрании, как представитель большевиков модельной мастерской. Стали завязываться связи с Лефортовским и Городским районами, и т. Алешин вместе с т. Белкиным выбираются представите-

лями от кружка. Работа расширилась, стали подготовляться стачки, рабочие начала выдвигать вместе с экономическими требованиями и политические. В открывшихся прениях по докладу депутатов Думы Скобелева и Рамишвили о работах в думе, т. Алешин принимает горячее участие. Члены Думы уехали чуть не освистанными.

В октябре 1915 г. на заводе вспыхнула стачка. Тов. Алешин принимает в ней активное участие. Начались аресты, высылка и отправка на фронт наиболее активных бастовавших рабочих. Тов. Алешин попадает в число последних. В казармах г. Орла он пробует вести работу, но, не вынеся военщины, через $1^1/_2$ месяца нелегально пробирается в Питер, где после нескольких месяцев работы попадает в руки полиции. Его отправляют в маршевую роту в г. Рязань для отправки на фронт. На фронте т. Алешин попрежнему продолжает революционную работу, получает контузию в голову, попадает в госпиталь.

В 1917 г., после революции, т. Алешин возвращается на завод и проходит в Московский Совет. Пленум выбирает его в члены Исполкома, а большевистская фракция Исполкома в бюро фракции. В октябрьские дни т. Алешин становится членом Симоновского ревкома, затем членом Исполкома Симоновского Совета. Скоро он вновь избирается в Московский Совет и в члены Исполкома.

В 1918 г., в первую мобилизацию коммунистов, он, как секретарь бюро фракции, собрал бюро фракции для назначения кандидатов на фронт и одним из первых занес в список себя. Попав на юг, он организует отряды красноармейцев для отправки на чехословацкий фронт. Скоро он отзывается на северный фронт в 6 армию, где, состоя в должности начальника политотдела армии, сражался и в рядах красноармейцев с винтовкой в руках. За геройство тов. Алешин был представлен к ордену Красного Знамени. Тов. Алешин долго работал на северном фронте и в 1920 г., вследствие затишья на этом фронте, командируется на юг в конный корпус Буденного. По дороге к фронту т. Алешин заболевает сыпняком. Он не выдерживает тяжелых приступов болезни и осенью 1920 г. умирает.

4. **Астахов**, Даниил Викторович—сверловщик, 30 лет—происходя из казачьей семьи Донской области, с малых лет стал работать на заводах. В Москве тов. Астахов работал на заводе „Амо“, затем, в 1916 г. на „Динамо“ в мало-моторной мастерской.

Тов. Астахов не примыкал к политическим группировкам и не вел подпольной работы. Но революция в феврале 1917 г. всколыхнула его, и он вышел со двора завода со всей рабочей массой на демонстрацию против самодержавия. Тов. Астахов шел в первых рядах рабочих, неся красный флаг. Шли дружно, организованно. На углу Воронцовской улицы, у д. № 3, при входе на Таганскую площадь, демонстрантов поджидали городовые, переодетые в солдатские шинели, во главе с околодочным. При виде полиции рабочие взялись крепче за руки и медленно стали подвигаться к площади. По звуку рожка и команде городовые взяли на прицел. Передние ряды демонстрантов дрогнули. Тов. Астахов бросился к тротуару, но околодочный выстрелил подряд в упор в толпу. Тов. Астахов упал. Рабочие бежали, натыкаясь друг на друга. Выстрелы беспорядочно щелкали (городовые стреляли в воздух). Все рабочие благополучно разбрелись в разные стороны. На мостовой оставался лежать т. Астахов, убитый наповал. Только через несколько часов рабочие убрали его тело, перенеся в ближайшую школу.

Тов. Астахов—беспартийный пал первой жертвой февральской революции.

5. **Айвад** – слесарь—работал в подпольной организации РСДРП (б) на заводе (биография неизвестна).

6. **Будкин**- модельщик—работал в подпольной организации РСДРП (б), депутат от завода в Московский совет Рабочих Депутатов 1-го созыва (февраль-март 1917 г.) (биография неизвестна).

7. **Васильев**, Сергей Васильевич—фрезеровщик—происходя из рабочей семьи г. Подольска, поступил с 15 лет учеником на фабрику Зингер в Подольске. С 1915 года т. Васильев стал работать на заводе „Динамо". Революционное движение 1917 г. захватило т. Васильева, и он в 1918 г. вступает в ряды Российской Коммунистической партии (большевиков). На работе в партии тов. Васильев выдвигается своими способностями и избирается секретарем ячейки и одновременно секретарем комитета партии Симоновского подрайона. В первое наступление Юденича на Питер в 1919 г. т. Васильев снимается с этой ответственной работы и по призыву партии едет сражаться, как рядовой красноармеец, на Красную Горку.

Наступление Юденича отбито. Тов. Васильев возвращается на завод и в сентябре 1919 г. мобилизуется на фронт. Тов. Васильеву недолго пришлось быть в Красной Армии. Деревня Малое Вороново

Орловской губернии Елецкого уезда, где расположился отряд, в котором находился т. Васильев, подверглась внезапному нападению бандитов. Во время нападения тов. Васильев был зверски убит.

8. **Васильевский**, Алексей Павлович—электромонтер—работал в пробной мастерской в качестве техника. Тов Васильевский—молодой коммунист—поражал ясностью своих мыслей. Будучи секретарем завкома и секретарем ячейки РКП в 1921 г., т. Васильевский болел душой за производство завода. Начало 1921 г. было голодным, и рабочие работали плохо. Чутко отзываясь на нужды рабочих, т. Васильевский особенно обращал внимание на рабочих, возвратившихся с фронта, которые своей дисциплинированностью и трудом подымали дух отчаявшихся. Сам т. Васильевский являлся примером для рабочих и входил в повседневные работы завода. В апреле 1921 г. на завод пришли вагоны с дровами для рабочих. Тов. Васильевский бежит по цехам и призывает всех организовать субботник по выгрузке дров. Многие откликнулись на его призыв, и дружно закипела работа, руководимая т. Васильевским. Вагоны выгружались, подталкивались, перегонялись руками десятков рабочих. Остался один неразгруженный вагон. Так как сзади вагона скопилось много народа, который толкал его к месту разгрузки, где уже стояли неразгруженные вагоны, то т. Васильевский и некоторые рабочие стали тащить вагон спереди за буфера. Вагон разогнали быстро и раздались опасливые возгласы товарищам, тащившим вагон впереди. Тов. Васильевский с усмешкой крикнул: „ничего, еще далеко“ Но вагон с уклона покатился еще быстрее, впереди бежавшие рабочие стали отскакивать в сторону. Вагон с разбегу наскочил на другой. Тов. Васильевский не успел ни отскочить, ни лечь. Когда рабочие откатили вагон назад, то увидели т. Васильевского, лежавшего на пути с разбитым черепом. Смерть была моментальная.

9. **Воробцов**, Георгий Федорович—слесарь—приехал в Москву из Питера, откуда ему пришлось уехать из опасения быть арестованным за проведение забастовок. Работая сначала у „Бари“, т. Воробцов весною 1915 г. поступает на завод „Динамо“ в аппаратную мастерскую. Тов. Воробцов не переставая вел подпольную работу и принимал активное участие в большевистской организации. Особенно горячо тов. Воробцов агитировал среди рабочих против империалистической войны. Во время октябрьской забастовки

1915 г., когда начались аресты. высылки и отправки на фронт активных рабочих, тов. Воробцов был арестован, но бежал на Урал, где проживал и работал нелегально. Время февральской и октябрьской революции тов. Воробцов провел в работе на Урале. В 1918 году он занимал ответственный пост в Пермской Губчека. Зимою 1918 г. т. Воробцов погибает от случайно взорвавшейся бомбы.

10. **Гордеев**, Лаврентий Кириллович—слесарь—родился в 1890 г. в Тульской губ., Алексинского уезда, Афанасьевскей вол., дер. Голубцы. Отец его — крестьянин — умер рано, когда т. Гордееву было 3 года. До 15-ти летнего возраста т. Гордеев жил в деревне, помогая матери. Условия жизни заставили его поехать в Москву, где он поступил учеником на фабрику Ливардова. Проработав там 8 лет, т. Гордеев в 1914 году перешел на завод „Динамо" в аппаратную мастерскую. В подпольи тов. Гордеев не работал, но революция втянула его в свое русло; тов. Гордеев в 1917 г. вступает в партию большевиков. Работая как рядовой член партии, тов. Гордеев в трудный в продовольственном. отношении год — 1918 — посылается общим собранием рабочих и служащих завода в продотряд. Продовольственную работу т. Гордеев вел в г. Ельце и г. Богучаре (Воронежской губ.). где он занимает пост политического комиссара. На этой работе он заболевает сыпняком, с трудом переносит болезнь и откомандировывается в Москву на леченье. По выздоровлении т. Гордеев едет на заготовку топлива в Тульскую губернию. Но там он заболевает возвратным тифом и в тяжелом состоянии был привезен в Москву к семье. Надорванный организм т. Гордеева не вынес болезни и, 3 февраля 1920 г. т. Гордеева не стало.

11. **Канис**, Владимир Осипович—слесарь—вступил в партию после октябрьской революции. Умер от тифа. Погребен в Симоновском монастыре (биография неизвестна).

12. **Карманов**, Николай Андреевич обмотчик—уроженец Ярославской губ., Угличского уезда, Заозерской вол, дер Федяковой. Окончив церковно-приходскую школу, т. Карманов поступает учеником-обмотчиком на завод „Динамо". Проработав учеником три года, он в 1915 г. остался на заводе в качестве самостоятельного обмотчика. Тов. Карманов, будучи беспартийным, принимал активное участие в октябрьской революции. После октября он выдвигается рабочими в члены заводской расценочной комиссии, заведывал рабо-

чей столовой. В 1919 г. т. Карманов вступает в ряды Р. К. П. (б). 1 сентября 1919 г. тов. Карманов по партийной мобилизации отправляется на южный фронт, где еще не был ликвидирован мамонтовский прорыв Во время бандитского восстания 21 сентября 1919 г. т. Карманов был убит на 21 м году жизни.

13. Коломенский, Михаил Иванович—токарь—поступил на завод „Динамо" в 1914 г. и принял активное участие в социал-демократической группе (большевиков). Осенью 1915 г. т. Коломенский за проведение забастовки и за агитацию против войны был снят с учета и направлен в царскую армию в г. Орел в пехотный батальон. Тов. Коломенскому бежать со службы не удалось, как т. Алешину, и он вместе с батальоном перебрасывается на кавказский фронт. В 1916 году Коломенский был убит.

14. **Катков**, Александр Дмитриевич—токарь—родился в 1902 г в дер. Позняково, Можайского уезда Московской губ. В 1920 г. убит на фронте.

15. **Катков**, Алексей Федорович—литейщик—родился 1890 г. Убит под Калачем в 1919 году.

16. **Лебедев**, Иван Ксенофонтович—изолировщик—сын зажиточного крестьянина Калужской губ., Медынского уезда, Пушкинской волости и села. Приехал в Москву 14 лет и поступил в чайную Симоновского О-ва Трезвости мальчиком подавать чай. В 1910 г. т. Лебедев поступил на завод „Динамо" чернорабочим, но, как смышленный и любознательный парнишка, быстро освоился с заводской жизью. Он перепросился на работу на тянульном станке, но при сокращении штата в 1912 г. был уволен. Тов. Лебедев уехал в Подольск, где и проработал $1\frac{1}{2}$ года на фабрике Зингер, откуда снова приехал в Москву и поступил на „Динамо" на прежнюю работу. При сокращении кабельной работы он перешел на изготовление шин и изоляцию их. Тов. Лебедев не участвовал в подпольной работе, но рабочие его, как сознательного товарища, выдвинули в уполномоченные больничной кассы, где работал в качестве члена ревизионной комиссии в контакте с большевиками. Тов. Лебедев являлся первым председателем Симоновского клуба „Труд и Творчество" и в 1919 г. был избран в завком, где исполнял обязанности казначея. В том же году т. Лебедев вступает в партию и сразу выдвигается по работе. Одно время он работал в качестве секретаря ячейки. При новых выборах завкома в ноябре 1919 г.

т. Лебедев избирается председателем завкома, а затем в Московский Совет, который выбирает его членом Исполкома. В дни кронштадского мятежа т. Лебедев мобилизуется в Питер и, занимая пост политкома части, ведет ее в бой против восставших. Во время боя т. Лебедев был ранен и отвезен в один из питерских госпиталей. Через два месяца после 3-х операций т. Лебедев скончался.

17. **Мусин**, Василий Николаевич — токарь — член подпольной организации РСДРП (б) на заводе (биография неизвестна).

18. **Поспелов**, Иван Васильевич — крестьянин Ярославской губ. Угличского уезда дер. Струхова. Родился в 1891 г. Вступил в партию в 917 г. Работал на заводе „Динамо" с 1914 г. в аппаратной мастерской слесарем и был выбран общим собранием рабочих в народные судьи Рогожско-Симоновского района, где прослужил около года. Был отозван в завком и вскоре был командирован ячейкой на фронт. Получил назначение в Политотдел и был начальником агитационных пунктов. Проработав более года, был назначен командиром трудовой армии в гор. Харьков, где и умер от сыпного тифа 5-го февраля 1920 г.

19. **Смирнов**, Владимир Степанович—модельщик—сын ремесленника, родился в 1895 г. в Москве. С 14 лет т. Смирнов работал на заводе „Динамо" в модельной мастерской. Вскоре последовала высылка т. Смирнова, и он направляется в г. Невьянск, где около $1^1/_2$ работал на металлургическом заводе в качестве лекальщика. Однако, сгорая желанием работать в центре, т. Смирнов нелегально пробирается в Питер, но, преследуемый полицией, уезжает зимой 1916 г. из Питера в Таганрог, где поступил слесарем на Балтийский завод. На этом заводе его и застала революция. После революции он избирается секретарем Таганрогского Совета и заведующим Агитационным отделом. В начале 1918 г. во время наступления Краснова т. Смирнов погибает смертью храбрых при взятии рабочими завода Лебедева, который был занят белогвардейцами.

20. **Стернер**—работал в подпольной организации большевиков на заводе. Один из самых активных ее работников (биография неизвестна).

21. **Сухобрус**, Иван—токарь-лекальщик — поступил на завод „Динамо" в годы империалистической войны, будучи уже членом РСДРП (б). Тов. Сухобрус принимал горячее участие в питерском кружке большевиков завода. В июле 1915 г. он участвовал на

массовке по вопросу: „Наше отношение к войне и безработице". В том же году он и другие большевики, не допущенные московским городской головой Челноковым на с'езд „союза городов", обсуждали вопрос об отношении к с'езду в корридоре помещения городской думы и вынесли резолюцию протеста. После с'езда товарищам пришлось всю ночь бегать от штыков и охранников. Во время октябрьской 15 года стачки на заводе тов. Сухобрус арестовывается одним из первых; хлопоты рабочих об его освобождении не увенчиваются успехом, и он после тюремного заключения в административном порядке высылается из Москвы. Пробравшись в Питер, тов. Сухобрус поступает на один из заводов, и к нему стали с'езжаться другие высланные с завода „Динамо" большевики, которым фабриковались паспорта для поступления на работу. Недолго, однако, пришлось т. Сухобрусу работать в Питере; в декабре 1915 г. на собрании большевистской группы по вопросу о положении тульских рабочих он арестовывается, и ему пред'является обвинение по 102 ст. § 1 за принадлежность к РСДРП. После значительной отсидки т. Сухобрус бежит на Урал, где также уже находились товарищи по заводу „Динамо". Революция выдвинула тов. Сухобруса на ряд ответственных работ в рабочих организациях, откуда он был, находясь в Вятке, мобилизован и послан на фронт. Но прежние условия работы и жизни надорвали здоровье т. Сухобруса, и он умер от скоротечной чахотки.

22—23. **Бр. Шаплыгины**, Александр и Михаил—активные члены подпольной организации РСДРП (б). Погибли на фронте (биографии неизвестны).

24. **Яковлев** (биография неизвестна).

СПИСОК

членов Р. С.-Д. Р. П. завода „Динамо", входивших в Симоновск. организац. с 1902 г.

1. **Алексеев**, Петр—слесарь.
2. **Барканов**, Дмитрий Иннок.—слесарь.
3. **Бычков**—тянульщ.
4. **Васильев**, Мих. Михайл.— чертежник.
5. **Васильев**,—чертежник.
6. **Дербер**,—слесарь.
7. **Дубель**,—слесарь.
8. **Николаев**,—слесарь.
9. **Плотников**,—слесарь.
10. **Силин**, Григор. Лукич,—слесарь
11. **Сисекин**, Федор—обмотч.
12. **Трескин**, Николай Михайл.—слесарь.
13. **Шабышев**, Андриан—слесарь.

Сознательные и активно помогающие:

1. **Балашев**, И.—слесарь.
2. **Краснов**, Алексей Никол.—слесарь.
3. **Мельников**, П.—слесарь.
4. **Мартынов**, Николай—токарь.
5. **Офман**, Дмитр. Дмитр.—токарь.

Социал-демократическая группа (большевиков), работавшая на заводе в период 1914—1917 г г. (Московские и Питерские товарищи). *)

1. **Аборин** (убит на Колчаковском фронте).
2. **Алексеев**, А. (умер).
3. **Алешин** (умер на фронте).
4. **Антипов**, Н.
5. **Айвад.**
6. **Белкин.**
7. **Белоусов.**
8. **Борисов**, Илья.
9. **Васильева**, А.
10. **Вишневская**, Лидия.
11. **Г. Воробцов** (погиб на Урале).
12. **Гагарин.**
13. **Дым-Динь.**
14. **Охлопков**, Егор Иванович.
15. **Калнен-Григорьева.**
16. **Коломенский** (погиб на Кавказском фронте).
17. **Колчанов (Доценко).**
18. **Корзинов.**
19. **Киселев (Петров).**
20. **Кузьмичев**, Н.
21. **Макаров**, Н.
22. **Максимов.**
23. **Миронов**, С.
24. **Михайлов.**
25. **Нейман.**
26. **Потапов.**
27. **Плеханов.**

*) Список неполный.

28. **Попок** (провокатор).
29. **Петров**, А.
30. **Розенгольц.**
31. **Соколов**, Н.
32. **Стернер** (умер на юге).
33. **Сухобрус** (умер).
34. **Смирнов** (расстрелян в Ростове-на-Дону).
35. **Сычева**, Т.
36. **Тарасов.**
37. **Тик.**
38. **Уханов.**
39. **Шаплыгин**, Александр (убит на фронте).
40. **Шаплыгин**, Михаил (убит на фронте).
41. **Шаплыгин**, Василий.
42. **Чичеров**, Егор.
43. **Яковлев**
44. **Корпенков (Ратехин).**

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. От Губбюро Истпарта 3
2. Предисловие 4
3. Иван **Филипченко**.– Товарищам с „Динамо". Стихотв. . . . 7
4. В. **Жуков**.—Вступление 9
5. 1903—1905 г.г. (по воспоминаниям) 15
6. 1905 год (по воспоминан.) 23
7. 1906—1912 г.г. (по воспоминаниям) 35
8. 1912—1914 г.г.:
   П. А. Максимов.—Из моих воспоминаний 41
9. 1914 -1917 г.г.:
   Н. И. Соколов—Во время войны 45
   Ив. Меницкий.—„Динамо" в военные годы (1915 г.) 53
   Тарасов.—На страховой работе 56
   К. В. Уханов.—Отрывки воспоминаний 58
   Илья Борисов.– Динамовцы и немецкий погром 61
   Калнен-Григорьева.—Из недалекого прошлого 64
   Корзинов.—„Динамовцы" 67
   Н. Антипов.—Воспоминания „питерца" 71
10. 1917 год:
   Толкачев.– „Февраль" и „Октябрь" на „Динамо" 77
   Максимов.—Между февралем и октябрем 81
   Гальперштейн.—Экономическое положение завода „Динамо" после февральской революции 85
11. **ПРИЛОЖЕНИЯ:**
   а) Из письма т. Студитова (Парфенова) к тов. Уханову . . 91
   б) Погибшие в борьбе 93
   в) Список членов Р. С.-Д. Р. П. с завода „Динамо", входивших в Симоновскую организацию с 1902 года 103
   г) Социал-демократическая группа (большевиков), работавшая на заводе в период 1914—1917 г. (московские и питерские товарищи) 104